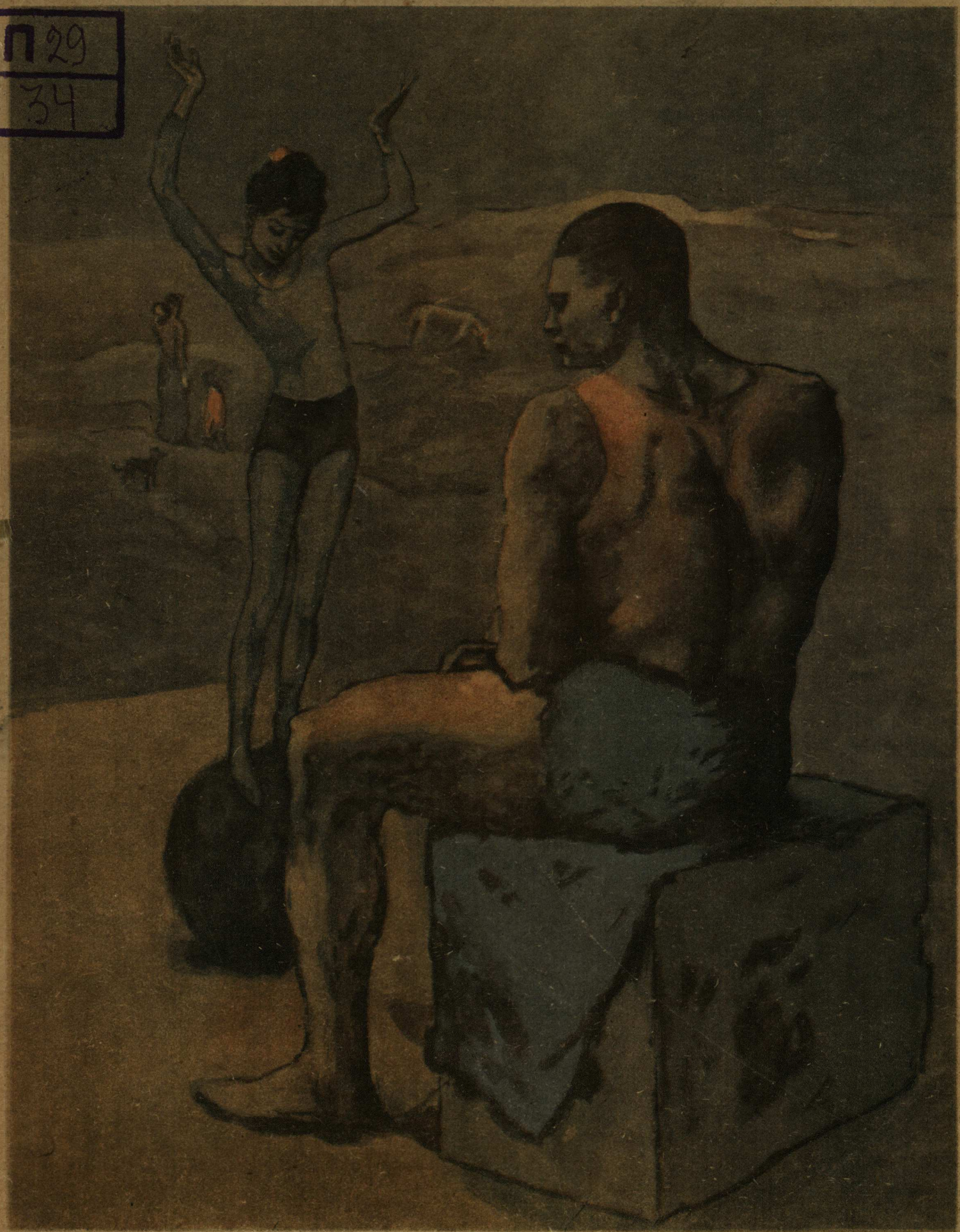
ПИОНЕР

23-24

П29
34



Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда" 1935 г.

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР № 23—24

Орган Центрального комитета ВЛКСМ
Адрес ред.: ул. Горького, 48. Тел. 5-57-38

Декабрь 1935

К рисунку на обложке

По дорогам Франции, Италии, Испании, то в фургонах и на повозках, а то и просто пешком, веками ходили от города к городу, от деревни к деревне бродячие артисты — певцы, акробаты, жонглеры, музыканты; часто с сурком, с обезьяной, иногда с медведем.

Из поколения в поколение, от отца к сыну, передавалось сложное и трудное искусство жонглера, клоуна, акробата. И сейчас еще в цирках можно встретить артистов, у которых деды и прадеды и еще более дальние предки, быть может 150 — 200 лет тому назад, занимались цирковым искусством.

Художников часто привлекала жизнь цирковых артистов. Они любили писать их ловкие, гибкие, мускулистые тела, их яркие, пестрые костюмы. В этом номере мы рассказываем о цирковых артистах и на обложку решили дать копию с картины французского художника Пабло Пикассо „Девочка на шаре". Это акробаты. Где-нибудь в пути, между двумя деревнями, на остановке, девочка репетирует трудный номер на шаре, пока молодой атлет, быть может, ее старший брат, отдыхает.

Гос. Публичная Б-ка

РЯЖЕНЫЕ

К. Гандурин *Рис. П. Митурича*

Когда-то в нашем городке, на окраине, стояла черная покосившаяся избенка, похожая на растрепанное осенним ветром воронье гнездо. В этой избенке жил Пашка Синицын. Коренастый живой мальчуган, он постоянно выдумывал какие-нибудь затеи: устраивал набеги на сады, огороды, мастерил из обрезков газовых труб пистолеты. Пистолеты набивал он порохом и, бухая из них как из пушки, пугал кур, кошек и мать свою, прачку—тетку Степаниду, худую, понурую, но очень добрую женщину.

Пашку мы очень любили за то, что он со всеми дружил и не давал забиякам и сорви-головам обижать тихих и робких ребят. Любили мы его еще и за то, что он умел мастерить западни и силки для ловли снегирей и щеглов, выдумывать самые забавные игры.

Как-то на святках Пашка уговорил нас рядиться разбойниками. Собрались мы в избе у него. Показал он нам какую-то книжку с картинками, на которых была нарисована битва русских с татарами. На татарах были остроконечные шапки.

— Вот такие вы и делайте,—сказал Пашка.—И сабли надо такие же.

Мы принялись стругать тесаки и сабли, клеить колпаки из бумаги, а Пашка делал барабан. Он натянул на ободок от сита сухой коровий пузырь, выстругал палочки, ударил ими в упругий пузырь — и барабан загудел и запел живым голосом: «Бум-бум-бум!..»

На колпаках цветными карандашами мы рисовали кинжалы, пушечные ядра, крепостные стены с зубцами. Ведь разбойники должны быть грозными и страшными! И это грозное и страшное мы и хотели нарисовать на колпаках. Потом вздумалось нам украсить их перьями, и мы лазали по курятникам, выдергивали из петушиных хвостов перья и оклеивали ими колпаки. Колпаки совсем не были похожи на татарские шапки, но Пашке понравились.

Потом из золотой и серебряной бумаги вырезали звезды, кресты, эполеты. Учились свистать в два пальца, гикать. Пашка, наш атаман, нарисовав углем усы, спрашивал внушительно:

— Гребцы по местам?

— По местам!—дружно кричали мы.

— Весла по бортам?

— По бортам!

— Есаул, дай-ка мне подзорную трубку.

Семка Кулчин подавал Пашке трубку, склеенную из синей сахарной бумаги. Пашка, важно нахмурясь, смотрел на все четыре стороны и командовал:

— Вперед!

Мы пели «Вниз по матушке по Волге», хлопали в ладоши, покачивались: плыли по Волге-реке навстречу купеческому судну с лихим криком «Сарынь на кичку!»

Бросались друг на друга с саблями, сражались.

Купца изображал круглолицый румяный простоватый мальчик Федотка Гнедин; богатство, которое он вез, состояло из разноцветных ситцевых лоскутков. Мы эти лоскутки называли персидским шолком. Лоскутки укладывали в мешок; Федотка привязывал мешок за спиной. Неповоротливый, увалень, Федотка не раз плакал: нападая, мы очень яростно тормошили его,

и, должно быть, больно кололи деревянными тесаками и саблями.

Все хорошо, но без масок—не ряженые, рядиться—значит надеть другую личину, другой образ, разбойничий. Нужны страшные маски. Да и музыка у нас подгуляла: один барабан; хороший, но все же самодельный. Хорошо бы бубен купить. И вот мы отправились всей разбойничьей шайкой покупать маски.

★

К подножью огромной воздвиженской колокольни лепился ветхий деревянный домишко — это магазин игрушек Кузнецова. К святкам в окнах магазина появлялись десятки картонных размалеванных рож—масок. На бичевках, протянутых поперек окон, висели бороды, усы, выставлялись украшения для елок, цветные свечи.

Долго мы стояли у окон магазина. Магазин—чудо! Через окна видны горы игрушек: куклы, кони, цимбалы, маленькие гармошки, вырезные крашеные паяцы.

К магазину на лошадях под'езжали толстые барыни, входили с детьми в магазин, выходили с куклами, медведями, конями, садились в санки и уезжали.

Подсчитали мы свои капиталы—рождественские подарки теток, отцов, матерей. Мало! Купили семь масок по гривеннику за штуку, губную гармошку—за полтинник. На бубен не хватило: бубен стоит девяносто копеек—целое богатство; два дня работать надо ткачу за такие деньги.

Принесли маски в избу к Пашке, разложили все семь харь на столе. Хари носатые, с длинными кривыми подбородками, с огромными, страшно оскаленными ртами, щеки пузырями, красные как сырая говядина. Разглядывая хари, мы притихли, призадумались. Вспоминали рассказы об утопленниках, домовых, чертях, ведьмах. Мне казалось, что в масках есть что-то нечистое, таинственное.

Надели мы свои разбойничьи маски. Велики они были: подбородками упирались нам в грудь. Посмотрел я на себя в маленькое зеркальце, висевшее возле окна, и опять почувствовал тревогу и беспокойство.

Шел в сумерках домой. Тихий, безлюдный Пономаревский переулок тонул в синей посеребренной месяцем мгле; домишки, почти по окна погруженные в белые мерцающие сугробы, точно дремали. Чуть хрустел снег под ногами. Где-то во дворе тоскливо выла собака. Мне стало жутко. Казалось, что сзади за мной страшное: плывут шесть масок, разевают рты, мигают пустыми глазами. Казалось, что маски—головы великанов и великаны, огромные, большерукие, тихо ступают, идут за мной следом, крадутся. За великанами же бежит Федотка, мешок болтается за спиной, Федотка кричит:

— Вон он, разбойник! Ловите его, великаны!..

Дома лег спать на печи; печь теплая, пахнет сухой глиной и валенками. Возле печи, на лесенке, сидела мать. Разостлав на коленях платок, она расчесывала гребнем волосы.

Я рассказал матери, как мы делали колпаки, сабли, рассказал о всех наших приготовлениях, о барабане, о купце Федотке и о разбойничьих наших ухватках.

— Мал ты, сынок. Рано еще тебе святочными делами заниматься.

Я недовольно ответил:

— Ванька мал. А я уж большой вырос.

Мать отвела рукой от лица волосы и, выглянув точно из золотого полога, посмотрела на меня, засмеялась:

— А ведь и верно: большой ты стал, Котька. И нос у тебя вытянулся. Длинный стал, как у журавля. Ряди́сь, только не надевай маску: не оскверняй своего невинного личика.

Я спросил, почему нельзя надевать маску. Мать ответила, что маска — бесова личина, что надеть ее на лицо—значит страшно тяжело согрешить.

Я не сказал матери, что уже надевал маску: боялся, не позволит рядиться. Но опять что-то заныло внутри, страшно стало. И так хари тревожили и пугали, а тут еще и большой грех—попадешь в ад, заставят черти лизать горячую сковороду или бросят в кипящую смолу.

★

Вечер... От месяца и снега на улицах светло. Свет белый, серебристый...

Идут по улице кучки ребят. Рассыпается смех, звенят голоса — это ряженые. Наряды незамысловатые: в вывернутой вверх овчиной шубе — медведь, привязавший бороду из пакли — поводырь, надевший на голову белый колпак — повар, обмотавший голову красным ситцем и надевший маску с горбатым носом — турок.

Позже появляются взрослые, тоже ряженые. Позвякивают трензеля; голосисто перекликаются гармошки; тренькают балалайки... Смех, взвизгивание, песни...

Шумные, приплясывающие люди в масках направляются к центру города, где живут торговцы, купцы,— словом, богатые. Под предводительством Пашки пробираемся туда же и мы.

Пашка подпоясал широкую материнскую кофту веревкой; на веревке висит барабан; на ногах огромные валенки, купленные на толкучке; на лице маска. Пашка шагает впереди своей шайки. Он постукивает палками в барабан. Семка Кулчин пищит что-то на губной гармошке. Мы семеним за Пашкой. От дыхания отверстия масок покрываются корочкой льда, картон мокнет, в рот попадает что-то противное на вкус. Холодно... Мороз сквозь рукавицы крепко и больно щиплет за пальцы, пробирается под маски, колет в щеки, в нос.

Но мы веселы; под трескотню барабана идти нескучно. А идем мы на Панскую улицу с двухэтажными кирпичными домами, в которых живут торговцы ситцем, обувью да владельцы гастрономических магазинов.

Пашка рассудительно говорит:

— К Заворуеву пойдем, ребята. Ряженых любит как — страсть! Обязательно двугривенный даст. Скорынина-барыня любит ряженых — там пятиалтынный. Смотришь, наберем рубль. Может, дадут пряников или орехов. У них, у чертей, у богатых-то, елки: конфеты, орехи да пряники едят.

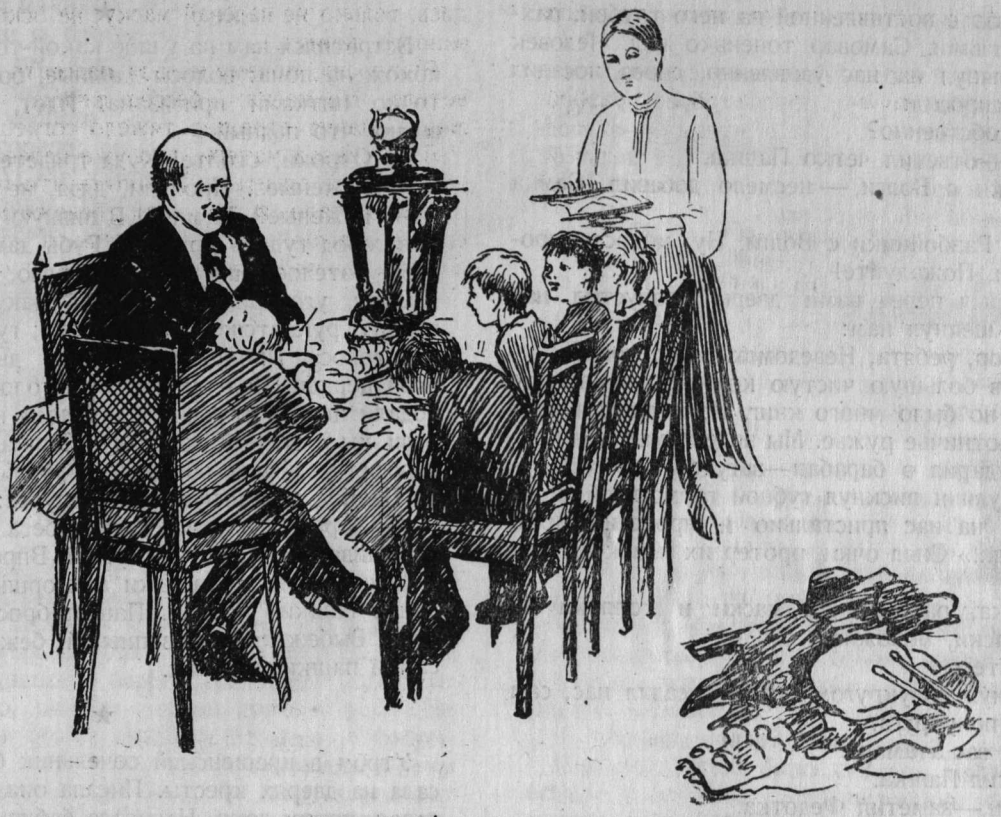
Пашка остановился перед кирпичным двухэтажным домом. Окна дома закрыты белыми занавесками, но сквозь занавески мерцают яркие огни. Вошли во двор. Пашка храбро зашагал вверх по лестнице, открыл обитую войлоком дверь, и мы вошли в комнату, заставленную сундуками. На стенах висят тяжелые шубы. Маленькая, очень высоко подвешенная лампа освещает только потолок. В комнате сумрак, пахнет лампадами. Все это словно придавило нас—мы робко жались друг к другу. Пашка, набравшись храбрости, приоткрыл дверь и громко сказал:

— Ряженые пришли! Принимайте, хозяева!

Дверь быстро распахнулась. В светлом прямоугольнике, точно портрет в раме, показался краснолицый чернобородый человек в длинном лиловом балахоне— на груди на цепочке большой серебряный крест—и бросился к Пашке, хотел схватить его за ухо. Пашка увернулся, отскочил к двери и крикнул:

— Скорей, ребята! Поп!

Ошалелые от страха, ринулись мы вниз по лестнице. Поп гнался за нами, орал басом:



Он поил нас чаем, угощал конфетами и печеньем, спрашивал о родителях

— Вон, плевелы сатаны!

На улице Пашка и Семка Кулчин долго смеялись:

— К отцу Александру попали. Спутал я, братцы, не в тот дом завел вас...

Пришли к Заворуевым. В сенях дернул Пашка ручку звонка. Вышла растрепанная баба, посмотрела на нас, молча ушла. К нам вышел Заворуев—лысый старик, с бородищей чуть не до живота. Удивила меня эта борода. Встретил он ласково нас, повел через комнаты, спрашивал, кто наши родители, велел раздеться.

Вошли мы в большую комнату, каких я никогда еще не видывал. Посреди комнаты большая елка сияет огнями. Вся она опутана золотыми нитками, а на ветках серебряные звезды, игрушки. Вдоль стен стулья, диваны, столики, за столиками нарядные барыни, девочки в белых платьицах, мальчики в бархатных курточках. Гомон, смех! Кто поет, кто пляшет! Ряженые—медведь и поводырь—показывают несложное искусство. В углу сидит человек; вместо правой ноги у него нелепо торчит деревяшка; на коленях гармонь. Перебирает лады человек, поет гармонь о чем-то радостном, сплетая тонкие серебристые звуки с гремучими басами и октавами.

Ошеломило меня великолепие елки, женских и детских нарядов, веселый шум, гармонь. Встал я у стены, как вкопанный, онемел.

Пашка, Семка Кулчин и другие товарищи мои пели, грабили товары купца Федотки, кричали, бегали, махали саблями, я же не мог двинуться с места, не мог раскрыть рта.

Большая, полная, белолицая женщина в коричневом платье подошла ко мне, сняла с меня маску и звонко рассмеялась. Взяла меня за руку: хотела, видимо, повести на середину комнаты, к Пашке; я окаменел, ноги точно приросли к полу; я вырвал руку. Женщина смеясь подняла меня, поднесла к елке.

Я почему-то вспомнил мать, бабушку, отца и... постыдно расплакался.

Товарищи смеялись надо мной, когда возвращались домой. Пашка не смеялся. Он, по обыкновению, защищал меня:

— В богатый дом попал—оробел. Богатые-то ведь знаешь, какие: чуть что, сейчас тебя и за ухо.

Нет, не поэтому я заплакал. Почему? Не знал я и сам, почему.

★

Целую неделю, по вечерам, потешали мы жителей богатых домов игрой в разбойники... Я уже не терялся. Правда, в других домах мы не видали такого великолепия, как у Заворуева. Я плясал, пел и был счастлив.

Как-то пошли мы к Скорынинoй—владелице большого магазина дамских мод и каменного одноэтажного дома. Вошли мы в дом в масках, в колпаках, разделись в передней. К нам вышла Скорынина. Она была очень толста: лицо расплылось, жирное тело распирало одежду; казалось, вот-вот платье не выдержит и лопнет. Поклонились мы барыне. Пашка попросил позволения изобразить разбойников.

Скорынина, не ответив на наши поклоны, крикнула громко:

— Прасковья!

Явилась кухарка.

— Хочешь ряженых смотреть?

Посмотрела на нас кухарка, покачала головой, проворчала:

— Ряженые... Шли бы вы, ряженые, по домам. Шляетесь, людей добрых беспокоите.

Скорынина промолвила:

— Ну, мальчики, с богом.

Обиделись мы, оделись молча, пошли. Решили попробовать счастья в доме Крашенинникова: очень хотелось нам петь, плясать. Пашка ничего не знал о хозяевах дома. Дом большой, двухэтажный, — может, и пожелают его жильцы посмотреть наше представление.

Встретил нас человек с остренькой бородкой, в очках, в шубе, накинутой на плечи. В сенях горела лам-

па, стоял самовар с поставленной на него трубой, пахло горящими углями. Самовар тоненько пел. Человек снял очки, взглянул на нас удивленно, снова посадил очки на нос и спросил:

— Вы что, собственно?

— Ряженые,—ответил четко Пашка.

— Разбойники с Волги, — несмело добавил Семка Кулчин.

— Вот как! Разбойники с Волги. Ну, милости прошу, разбойники. Пожалуйте!

Человек открыл перед нами дверь, пропустил нас вперед. Пашка шепнул нам:

— Это доктор, ребята, Неведомским его зовут.

Прошли мы в большую чистую комнату; в комнате не было икон, но было много книг. На стенах чучела птиц, в углу охотничье ружье. Мы надели маски и колпаки, Пашка ударил в барабан—загудел коровий пузырь. Семка Кулчин пискнул губной гармошкой. Доктор посмотрел на нас пристально и процедил тихо: «Да-а, маскарад...» Снял очки, протер их платком, еще раз взглянул:

— Кладите-ка, разбойники, маски и колпаки на стул. Сняли маски, положили.

— Усаживайтесь.

Доктор сдвинул полукругом стулья, усадил нас, сам сел в середине полукруга.

— Кто же у вас атаман?

— Я,—ответил Пашка.

— А я купец,—заметил Федотка.

— Что с тобой, купец, делают разбойники?

— Грабят.

Доктор, пощипывая бородку, улыбнулся и проговорил весело:

— Грабят?.. Вот какие, а? Грабят...

Обратился к Пашке, коснулся длинными белыми пальцами пашкиной руки:

— А не жалко тебе купца?

— Чего купца жалеть? Купцы, ваше благородие, богатые. Они сами себя пожалеют.

— Да, это они умеют, умеют жалеть себя. А почему ты меня благородием называешь, атаман?

— А как же? Доктор вы,—стало быть, благородие.

— Так зовут полицейских приставов.

— А как же докторов звать? Доктора ведь тоже благородные...

Доктор позвал кухарку, велел ей внести самовар. Он поил нас чаем, угощал конфетами и печеньем, спрашивал о родителях.

— Надо больше молока пить да яиц есть, разбойники. Заморыши вы все. Где твой отец работает?— спросил он Семку Кулчина.

— Отец помер. Мать работает ткачихой у Горелина.

— Н-да...—доктор перебирал беспокойными пальцами бородку.—Твое молоко Горелины выпили. И яйца с'ели. Как ты думаешь, атаман?

Пашка серьезно и ласково взглянул на доктора и сказал:

— Богатые слопают. Маманя моя ходит по богатым, белье стирает да полы моет. Получает три гривенника за стирку. Едим черный хлеб да картошку. А богатые жрут как лошади.

— Как лошади? Лошадь — животное полезное. Не обижай лошадей, атаман.

Доктор шутил, смеялся.

Вышли на улицу, карманы наши были набиты печеньем, конфетами, сахаром. Грызли мы печенье, разговаривали о докторе. Пашка сказал:

— Чудной доктор-то. А все-таки добрый.

★

Встретился нам на улице какой-то прохожий в шубе, похож на попа: волосы длинные, бороденка болтается, точно нитками привязана. Идет, песни поет, сразу видно, что пьяный.

— Отроки, стойте! Куда грядете?

— Ряженые... Проходи, дядя, не задерживай нас.

— Ряженые? За мной! В пивную. Потешьте, отроки! Я в город гулять приехал. Рубь дам. Я добрый.

Не хотелось мне идти в пивную, да Пашка и Семка Кулчин уговорили. В пивной накурено; сидят люди, кричат, ругаются; гудит гармонь; гудят нескладно пьяные голоса. Прохожий оказался дьячком кладбищенской церкви. Пел он гнусавым голоском, икал. Дьячку подали пива и тарелку с моченым горохом. Плясали и пели мы в пивной до упаду. Пашка подставил колпак, спросил у дьячка обещанный рубль. Дьячок уставился на Пашку, подмигнул и покачнулся:

— Харю бесову надеваешь, беса тешишь? С беса и спрашивай. А меня не смущай. Впрочем...

Дьячок взял с тарелки пригоршню гороху и высыпал в пашкин колпак. Пашка бросил горох дьячку в лицо. Выбежали мы из пивной, бежали без оглядки до самой пашкиной хаты.

★

Утром в крещенский сочельник бабушка мелом писала на дверях кресты. Писала она их на двери хлева, сарая, потом дома. Написала бабушка кресты и на челе печки. В этот день бабушка была сурова, неразговорчива, шагала твердо, решительно; глаза из глубоких морщинистых впадин смотрели строго. Я спросил бабушку, для чего она написала кресты.

— Воду будут святить. Бесы из воды выйдут и бросятся в дома. Надо от них крестом охраняться.

— А если бесы в дом войдут, тогда что?

— Грешников будут мучить. Будут пугать, болезнь напустят. А перед богом мы все грешные.

Я не спрашивал больше. Мне стало ясно, что бесы будут мучить меня. Я рядился, надевал маску, свершил страшный грех. Значит, я добыча беса. Кого же и мучить, как не меня?! Хотелось мне сказать матери, что я надевал харю, попросить ее защитить меня от бесов, но матери не было дома. С бабушкой говорить не хотелось: сурова, сердита бабушка. Оделся я и пошел к Пашке Синицыну.

Пашка топил печь; дрова в печи прогорали. Пашка ворочал их кочергой, потом, подхватив ухватом горшок, поставил его в печь: варил Пашка щи к обеду. Пашкиной матери дома не было: она где-то мыла полы. Вся наша шайка была в хате. На столе лежали кусок вареной колбасы и халва. Пашка купил на деньги, которые нам дали в награду за святочную потеху.

Пашка нарезал колбасу. Оставил кусочек матери; завернул его в тряпочку, положил на полку. Потом изрезал луковицу, положил на стол краюху хлеба. Колбаса пахла чесноком и казалась необыкновенно вкусной. Потом пили чай с халвой. Но были все невеселы: кончались святки, начинались занятия в школах; некоторые из ребят так же, как и я, были подавлены сознанием сделанного греха, боялись чертей, ада. Напились чаю. Кто-то вспомнил, что в сочельник нельзя есть мясное: большой грех,—а ели колбасу. Я не выдержал, спросил у Пашки:

— А что, черти маленьких мучают?

— Черти всех мучают. На то они и черти, чтобы мучить.

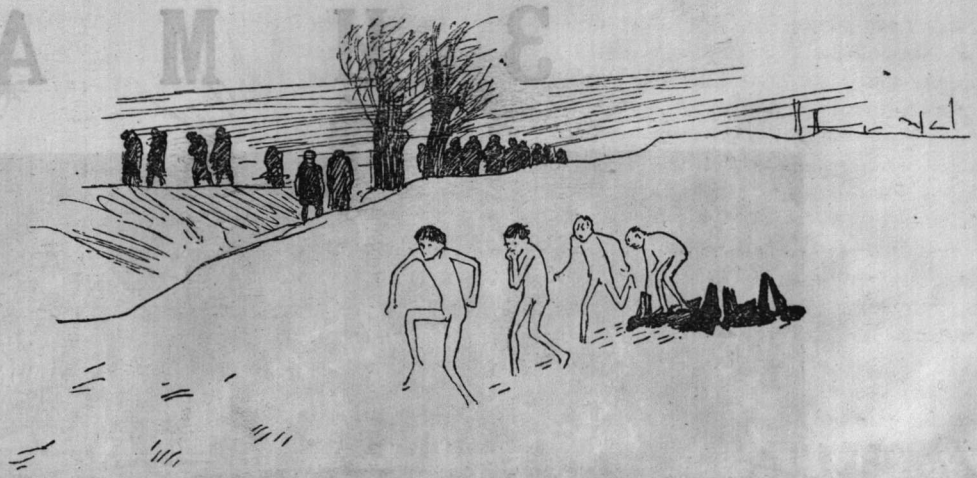
— А мы маски надевали. Это грех?

— Говорят, грех. Сжечь надо маски.

Пашка вытащил из-под кровати маски, колпаки и бросил их в печь. Смотрели мы, как охватил их огонь, а потом в печи метались хлопья черного пепла. Дрова в печи догорели; сверкали угли; возле углей одиноко шипел черный горшок. Печь напоминала ад, горячие сковороды, чертей.

Стояли мы, посматривали угрюмо в печь, молчали. Пашка тоже был невесел.

— Пойдемте-ка завтра, ребята, купаться,—сказал он.—Освятят попы воду, кончится молебен, и мы в святой воде и выкупаемся. И никакого греха на нас не останется: святая вода все смоет.



— Смелее, разбойники! На войне и не то бывает!

Утро было ясное, морозное и ветренное. Снежная пыль неслась вдоль улиц, сверкая на солнце белыми холодными искрами. Шли мы к мельнице. Прошли мимо собора, стоявшего на высокой горе, спустились с горы вниз, к реке. Подошли к берегу. Мельница работала: ворочалось колесо, шипела черная грязная вода. На другом берегу реки стояла фабрика Куваева, с фабрики по деревянному жолобу мчалась и вливалась в реку темнокрасная жидкость. На реке, на льду, народ без шапок, с ушами, подвязанными от мороза платками; попы в ризах, одетых поверх шуб, взмахивают кадильницами, поют. Когда мы подошли к реке, церемония водосвятия уже кончалась. Мы смотрели на нее, не снимая шапок. Бородатый строгий старик в шубе с бобровым воротником подошел к нам, сорвал с головы Пашки шапку, бросил ее на снег и выругал:

— Не видишь, сволочь, крест святой в воду погружают?!

Я был в новой шубе и шапке. Мне было тепло, но ветер колол щеки холодными иглами, больно щипал нос. Смотрел я в грязную воду и никак не мог понять, как я, голый, на таком морозе войду в нее. Пашка говорил, что надо три раза окунуться. Это не долго: одна минута. Но надо по снегу босиком бежать к воде, и притом голому. А тут еще ветер, снег метет... Снег сухой, ударяет в лицо, точно кто пригоршнями бросает его; сечет так, что щекам больно.

Но вот пошли прочь от реки попы, запели певчие, пошел народ. Все стали подниматься по пригорку к мосту. И тотчас на обоих берегах стали раздеваться люди, человек десять бросились в реку.

— Ну, ребята, не робей,—крикнул Пашка.—Валенки снимать после всего, у самой воды.

С визгом, криком, мы стали раздеваться. Кричали все потому, что хотели криком заглушить боязнь холода. Семка Кулчин, есаул, кричал:

— Смелее, разбойники! На войне и не то бывает!

Я сбросил с себя пальто, рубашку... Холод пронизал меня насквозь. Я затрясся, сбросил валенки и кинулся в воду. Окунувшись три раза, вылез из воды, сунул в валенки ноги, подбежал к шубе, которую я постлал на снегу мехом вверх, сел на нее, хотел надеть рубашку, но руки меня не слушались. Я не мог надеть рубашку: меня трясло; холод перехватил мне горло. Я заплакал, застонал или закричал, не помню. Кто-то поднял меня, завернул в шубу.

Очнулся я в кабаке. Я лежал на полу, возле железной печи, раскаленной докрасна. Пашка сидел возле меня на ящике, сжавшись в комок, на корточках сидел Семка Кулчин. Возле стойки, облокотившись на нее, стоял молодой парень в поддевке и в заячьей шапке-ушанке. Парень что-то ел.

Кабатчик, бритый, краснорожий, в жилетке и синей, вышитой белым рубашке, стоял за стойкой.

Я сел, развернул шубу, стал надевать рубашку. Парень засмеялся:

— Оттаял, малец?

Я молчал. Мне было стыдно. Надел штаны, шубу, встал. Я согрелся. Меня немножко трясло, но не от холода, а от испуга и стыда.

— Пойдем, Пашка, домой.

Пашка посмотрел на меня, смахнул с моей шубы мусор и сказал:

— Подожди, обсохни как следует. Вишь, как тебя проняло: посинел весь. Ну да ничего, дело сделано: выкупались.

В кабаке была вся наша шайка; остальные ребята сидели в промежутке между стеной и печкой, грелись. Пашка встал, подошел к стойке:

— Дай-ка, дяденька, полбутылочки.

— А деньги есть?— спросил кабатчик.

— А как же? Кабы не было денег, не было бы и разговора.

Парень опять засмеялся:

— Каковы, а? Мороз — двадцать градусов, а они купаются. Водку пьют. Высечь бы надо... Ах, вы, тараканы запечные...

Выпили мы по рюмке вонючей водки, обогрелись, отдали остатки водки парню. Парень выпил водку, закусил сухарем:

— Кабы я тебя, малец, не заметил,—закоченел бы ты. Вижу: вылезли из воды, трясутся. Те все оделись, а этот барахтается, руки уж не слушаются.

Кабатчик зевнул, почесал подбородок и сказал:

— Баловники, арапником надо. Выметаться вам пора, собачата. Пошли мы домой. По улицам неслась снежная пыль, ветер дул сильнее, солнце заволокла серая, мутная пелена.

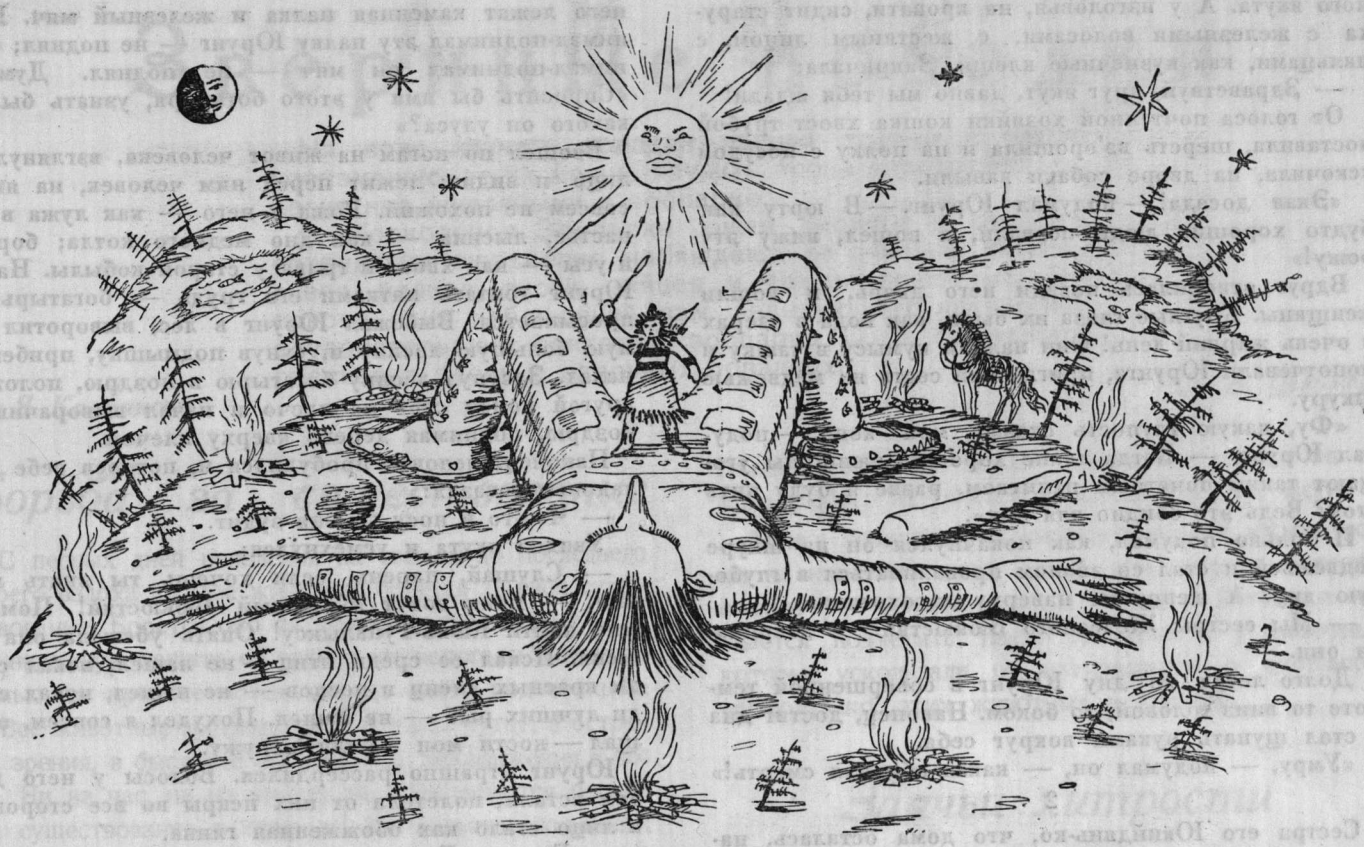
Дня через три Пашка Синицын захворал и умер.

★

Был тихий, безветренный день; падал крупный снег. Я стоял возле пашкиной избы. Из избы вышла девочка, худая, остроносая, бледная. Низко повязанный серый платок закрывал ее лоб. Девочка смотрела как-то испуганно. Она прижимала к груди небольшую икону; руки ее в красных вязаных рукавичках дрожали. Потом двое людей на жгутах миткаля вынесли гроб. Вышла мать Пашки. Пашку понесли на кладбище... На крыше пашкиной избы сидела ворона и сердито каркала...

З И М А

Фотография ученика кинооператорного техникума Д. Шеломовича



СКАЗКА О ЮРУНГЕ-БОГАТЫРЕ

Якутская сказка, обработала Н. Шеболдина

Рис. Ю. Кискачи

1

Юрунг-богатырь, говорят, жил в самом лучшем лесу, в юрте, которую он сам сделал из самых лучших лесин. Его молодая сестра Юкийдянь-ко обмазала эту юрту черной глиной от холодных ветров. А во дворе Юрунг поставил высокие коновязи и к ним привязал дойных кобыл.

И вот, когда он так жил-поживал, в одно утро случилась большая беда. Юкийдянь-ко проснулась в привычное время и пошла доить кобыл. Она подставила под кобылье вымя берестяную чашку и посмотрела на небо. И видит: еще не рассветало, и солнце не взошло. Что такое? Побежала она назад в юрту и закричала Юрунгу:

— Юрунг, проснись! Беда случилась! Вот я встала и вышла доить кобыл, утро уже наступило, а солнце еще не взошло!

Юрунг вскочил с постели, выбежал во двор, посмотрел на небо.

Вдруг налетел на землю вихрь, поднял листья дыбом, как будто волосы на голове, закрутил их, завертел. И пошел снег. А по небу поползло большое черное облако, как будто со звериными лапами. А в лапах звериных билась птица. Увидела она Юрунга и запела:

— Богатырь, если можешь ты меня спасти, спаси! Я Кюнь-Туналыкса, дочь солнца!

«Что такое?» — думает Юрунг. А конь его подошел к нему и говорит:

— Вот исполнилось семь лет с тех пор, как прямо с запада из улуса железных богатырей пришел за Кюнь-Туналыкской богатырь Железный Бюкюстяй. И что она ни делала: обернулась оленем и зайцем, убегала от него — не могла убежать, обернулась рыбой — не могла уплыть; обернулась птицей, улетала — не могла улететь. Наступило ему время догнать ее!

Тут Юрунг подпоясался мечом, взял лук и копье, зануздал коня, положил потник, оседлал седлом и садится на круглую лошадиную спину, под самый корень гривы. А Юкийдянь-ко стоит во дворе и плачет:

— Брат мой Юрунг, когда ты уедешь, кто будет стеречь наших кобыл, кто будет охранять наших коров от волков? Неужели ты хочешь идти? Не ходи!

Ничего не ответил Юрунг и поскакал через поле.

Долго он ехал, вдруг открылась перед ним долина, а на долине большая юрта. Из этой юрты вышли люди, идут навстречу кланяясь и говорят:

— Почтенный богатырь, стой! Хоть ты и не хочешь есть и не озяб в дороге, но мы, услыхав, что ты придешь, сняли жирные сливки с лучшего кобыльего молока, приготовили лучшую пищу. Войди, богатырь, отдохни, поешь!

А конь обернулся к Юрунгу и шепчет:

— Хозяин мой Юрунг, не давай меня связывать этим людям и не садись в юрте на медвежью шкуру.

— Фу, какую ты глупость сказал, мой конь! Разве ты не видишь, что это хорошие люди?

И пошел не оглядываясь в юрту. А те люди, едва он скрылся за дверью, схватили коня, привязали его к дереву и еще обмотали за шею три—четыре раза.

Вошел в юрту Юрунг, посмотрел: нет тут ни од-

ного якута. А у изголовья, на кровати, сидит старуха с железными волосами, с жестяным лицом, с пальцами, как кузнечные клещи. Закричала:

— Здравствуй, друг якут, давно мы тебя ждали!

От голоса почтенной хозяйки кошка хвост трубой поставила, шерсть вз'ерошила и на полку с посудой вскочила, на дворе собаки завыли.

«Экая досада! — подумал Юрунг. — В юрту как будто хорошие люди позвали, а вошел, вижу эту рожу!»

Вдруг отворилась позади него дверь, и вошли женщины. Круглые глаза их были, как вода в озерах в очень жаркий день! Они налили кумысу в чашку и попотчевали Юрунга, пригласили сесть на медвежью шкуру.

«Фу, какую глупость сказал мой конь! — подумал Юрунг. — Когда такие хорошие женщины угощают таким почетным напитком, разве я буду пить стоя? Ведь это обидно для них».

И только подумал, как покачнулся он на шкуре медвежьей и стал со звоном проваливаться в глубокую яму. А женщины наверху захохотали.

— Мы сестры Железного Бюкюстяя! — закричали они.

Долго летел ко дну Юрунг в совершенной темноте то вниз головой, то боком. Наконец, достиг дна и стал шупать руками вокруг себя.

«Умру, — подумал он, — какая обидная смерть!»

2

Сестра его Юкийдянь-ко, что дома осталась, напрасно ждала его, выбегала утром и вечером и в полдень из юрты и посматривала в восточную сторону, куда он уехал. Пришла она к соседям своим и сказала:

— Сна у меня не стало, друзья. Жизни у меня не стало. Хочу я пойти по следу брата моего: не случилось ли с ним беды?

И на белом стерхе[1] полетела она к яме, в которую провалился Юрунг.

Сидит Юкийдянь-ко у ямы, плачет, наплакала слез два маленьких озера. Вдруг видит: бежит к ней конь ее брата Юрунга. Он услышал голос Юкийдянь-ко и насилу оторвался от дерева, к которому его привязали. Вот прибежал и говорит:

— Слушай меня, Юкийдянь-ко! Если хочешь ты выручить из беды Юрунга, возьми, выдерни золотой волос из своей головы и спусти в яму!

Спустила в яму волос Юкийдянь-ко, засветился он там, — видно в колодце до самого дна, и говорит Юкийдянь-ко:

— Брат мой Юрунг! Если ты различаешь еще свет и если есть еще дыхание в твоей груди, держись за светлую нить, выходи!

А Юрунг лежит в яме, заплесневел весь, и только едва-едва шевелятся ресницы. Он услышал голос сестры, увидел светлый волос во тьме и плача-плача, рыдая-рыдая от радости, вышел наверх. Потом взнуздал коня своего, сел на спину его и сказал:

— Сестра моя Юкийдянь-ко, воротись домой, живи, присматривай, ходи за скотом, огнем и домом, а я поеду, куда хотел ехать.

После этого они разошлись: Юкийдянь-ко полетела назад, домой, на белом стерхе, а Юрунг на коне поскакал на восток.

3

Долго ли ехал, не знал он. Переехавши поле, достиг он восточного камня, видит: лежит, спит человек девятисаженного роста у девяти костров, а возле него лежат каменная палка и железный мяч. Поднимал-поднимал эту палку Юрунг — не поднял; поднимал-поднимал он мяч — не поднял. Думает: «Спросить бы имя у этого богатыря, узнать бы, из какого он улуса?»

Взошел по ногам на живот человека, взглянул на лицо и видит: лежит перед ним человек, на якута совсем не похожий. Рожа у него — как лужа в ненастье, лысина — как дно медного котла; борода и усы — как хвост и грива у старой кобылы. Начал Юрунг топтать пятками его грудь — богатырь не просыпается. Выбежал Юрунг в лес, выворотил самую большую лесину и, сунув подмышку, прибежал назад. Засунул лесину богатырю в ноздрю, положил другой конец себе на плечо и начал выворачивать ноздрю, поднимая дерево кверху плечом.

Наконец, человек пробудился и, потерев себе нос ладонью, сказал:

— Что-то в носу у меня зудит.

Увидел якута и усмехнулся:

— Слушай, парень, если хочешь ты знать мое имя, — меня зовут Железный Бюкюстяй! Помоги мне найти Кюнь-Туналыксу! Опять убежала она от меня. Искал ее среди птиц — не нашел, искал среди красных лисиц и песцов — не нашел, искал среди лучших рыб — не нашел. Похудел я совсем, отощал — кости мои вышли наружу.

Юрунг страшно рассердился. Волосы у него дыбом встали, полетели от них искры во все стороны, а лицо стало как обожженная глина.

— Говори, Бюкюстяй, поскорей свое завещание, расшибу я тебе, невеже, темя на четыре части.

Бюкюстяй с удивлением посмотрел на Юрунга.

— Разве я так мал, что ты можешь меня убить? Если положу тебя в рот, в один глоток проглочу!

Стали драться. Бюкюстяй мерзлую землю по колено вытоптал; на талой земле болото ногами высушил, на сухой земле весь дерн потоптал. Ноги его скрипели как ржавое железо. А Юрунг бегает вокруг ног железного Бюкюстяя и никак нельзя его схватить, все мимо бьет Бюкюстяй своей каменной дубинкой. Вдруг изловчился Юрунг, быстро вбежал по руке Бюкюстяя к нему в ухо и начал в ухе из лука стрелять и копьем колоть. Заметался от боли Бюкюстяй. Задышал стремительным вихрем, говорил, кричал, как в наковальню стучал:

— Не думал я, что умру от такого, как ты!

Прокричал это и клюнул землю железным носом, царапнул ее железными когтями и умер.

После этого сильно устал Юрунг и захотел спать. Пододвинул он оставшиеся дрова к огню, накрылся шубой и заснул. И лишь только стал засыпать, услышал над собой голос.

— Не ты ли, богатырь, убил Железного Бюкюстяя? Не ты ли освободил меня из плена? Я Кюнь-Туналыкса, проснись!

Проснулся и посмотрел искоса Юрунг, видит: стоит перед ним женщина, как солнце после длинной зимней ночи. Вскочил, сказал:

— Да что за важность, какой-то там Железный Бюкюстяй! Да я его сразу убил!

Тут Юрунг посадил на коня Кюнь-Туналыксу и поехал к себе в юрту. Как узнали лучшие якуты о том, что вернулся Юрунг, пришли на него посмотреть. Он рассказал им про битву свою с Железным Бюкюстяем. Слушали его все и говорили:

— Да что за важность, какие-то там железные богатыри! Наш Юрунг-богатырь сильнее их всех.

А потом свадьбу справляли Юрунга с Кюнь-Туналыксой целых 30 дней.

[1] Стерх — птица.

Звериные повадки

На воле изучать повадки зверей трудно и часто невозможно, но их можно изучить после долгого наблюдения над животными в зоопарке.

В Московском Зоопарке юные биологи и научные сотрудники ежедневно наблюдают за жизнью тигров, львов, волков, лисиц, зайцев и других животных. На основе этих наблюдений зам. заведующего научно-исследовательским сектором зоопарка С. Я. Калмансон рассказал здесь о звериных повадках.

С. Я. Калмансон

Рис. В. Цельмера

Борьба за существование

С первых дней появления на свет и до последнего своего вздоха каждое животное борется за свое существование. Борется оно за лучшее питание, за покой, за надежную защиту от врагов, от непогоды, воюет за семью, за крепкое потомство, за место под солнцем.

Все животные состязаются в лучшем чутье, в остроте зрения, в быстроте бега, полета, продвижения в воде. Ни на час, ни на минуту не прекращается борьба за существование в природе. Из сильных животных выживают наиболее ловкие, из слабых, незащищенных — наиболее увертливые, из тех и других — наиболее выносливые, приспособленные.

Волчьи битвы

Много лет прожил на воле волк со своей волчицей. Вместе охотились, нападали на стадо, резали овец, выводили волчат, поровну делили и горе и радость. Стареть стал волк. Вот идут они как-то с волчицей по лесу, навстречу им — одинокий хмурый волк. Шерсть дыбом, оскалив зубы, волки бросаются друг на друга. И вот уже катятся по земле рычащим клубком. На траве за ними остаются клочья шерсти и куски окровавленного мяса. Старый волк изнемогает. Вот-вот он сдастся. А что же делает его волчица? Она сидит и смотрит в сторону, как будто бы ей и дела нет до него. Кончился поединок. Старик истекает кровью, а волчица уже дальше бежит с победителем. Волчицы никогда не вмешиваются в поединок дерущихся за них волков — так оказалось выгодным для волчьего рода в его борьбе за существование. По негласному закону, так поступила и наша волчица. Придет время—народит она волчат. Волчата побойчей и пищу будут получать более сытную, волчата послабей будут питаться остатками. Вырастут и бойкие, и слабые, научат их отец с матерью на добычу нападать. Зимой волки охотятся всей семьей, делают большие перегоны. Слабые — тут только помеха. И вот в одну из осенних ночей поднимается в волчьих семьях грызня. Точно по сигналу набрасываются все на самого слабого из семьи и разрывают его на части.

Даже в Зоопарке, где животных кормят досыта, волки не изменяют этой своей привычке и ежегодно осенью уничтожают слабых. Часто в Зоопарке нам удается подметить такие особенности у животных, которые ускользали от натуралистов и охотников, наблюдавших этих животных в природе.

Заячьи хитрости

На большой полянке, где сейчас живут косули и павлины, мы поселили зайцев-беляков. У зайчихи родилось пять маленьких зайчат. С первого же дня они были покрыты густой шерсткой и на свет смотрели темными широко раскрытыми глазами. Зайчата, как только родились, сейчас же пососали зайчиху и разбежались от нее в разные стороны. Разбежались так далеко, как позволяла ограда полянки. Сел каждый из них под кустик и замер. Прошел день — сидят зайчата под кустиками, прошел другой — сидят, с

Волчица сидит и ждет, кто будет победителем в поединке

Прошел волк мимо кустика и не почуял под ним зайчонка

места не трогаются, прошел третий—сидят, не двигаются, четвертый—попрежнему сидят и никаких признаков жизни не подают. А мать их тем временем прыгает где-то всторонке, не подходит к ним и никакого внимания на них не обращает.

Что за история?

Поднесли мы зайчатам молока — не стали они его пить. Пугнули мы их — и ухом не повели. Дотронулись мы до зайчат — запищали они, и сразу откуда ни возьмись на нас мать их выскочила. Тогда мы решили проделать один опыт. Прежде всего мы убрали с полянки зайчиху. Потом взяли на цепочку гончую собаку и пошли с ней прямо на один из тех кустиков, под которым сидел зайчонок. Прошла гончая собака мимо кустика и не почуяла под ним зайчонка. Заменили мы гончую собаку ручной лисой. У лисы нюх — всем нюхам нюх! Может, она учует. Прошла лисица мимо кустика—не учуяла под ним зайчонка. Не учуяла, не заметила, а если бы заметила, то, конечно, и с'ела бы. В чем же тут дело? Почему ни собака, ни лиса не учуяли зайчонка? Да потому, что и чуять-то было нечего. Зайчата ничем не пахли. Единственные потовые железы на всем их теле находятся на нижней стороне их лапок. А все четыре дня с самого рождения зайчат эти лапки, как прижались к одному месту, так с него и не двигались. Ни следов, ни запаха. И мать к зайчатам не подходила. Молоко у зайчихи густое, питательное. Раз в пять — шесть питательней чем у коровы. Пососали его зайчата—на пять дней и насытились. На пятый день голод все-таки дает себя знать. Тогда зайчата покидают свое надежное убежище и бегут отыскивать мать. К этому времени и мать их уже ищет.

Найдет одного — покормит, найдет другого — покормит, попадется по дороге чужой зайчонок — и тому не откажет. Наевшись зайчата опять разбегаются от матери и снова дня на четыре залегают под кустик. Первые часы, пока к зайчатам ведут их пахучие следы, для малышей, конечно, полны опасности. Вот хищник набрел на зайчонка. Сейчас схватит. До последней возможности зайчонок остается неподвижным. Пищит он только уж тогда, когда ничего другого ему не остается. Но тут на писк его выскакивает мать-зайчиха и старается увести врага за собой. Ноги у нее быстрые, заманит она хищника подальше от детенышей, спутает следы, собьет его с толку и вернется опять к зайчатам. На девятый или десятый день жизни зайчата уже делаются такими крепкими, что теперь сами могут убежать от волка или лисы. Верхние и нижние зубы — резцы — у зайчат к этому времени становятся длинными и острыми. Зайчата грызут кору и зелень. В материнском молоке они больше не нуждаются и с этих пор живут вполне самостоятельно.

Дикие кролики, дикие утки

А вот дикие кролики, похожие по внешнему виду на зайцев, борются за существование совсем уже по-иному.

Детеныши у них рождаются голые, беспомощные, слепые и прозревают только на десятый день. Кролики-родители, несколько пар вместе, роют под землей сложные, ветвистые коридоры. Коридоры эти идут не по прямой, а то и дело заворачивают, так что сверху докопаться до кроликов очень трудно. От коридоров идут норки. В каждой норке живет пара кроликов со своим семейством. В норках они прячут своих детенышей и сами скрываются. Кролик бегает быстрее зайца, но и устает скорее. Далеко от дома он никогда не отходит.

Известно, что водоплавающие птицы потому не намокают в воде, что смазывают свои перья жиром. Над хвостом у них есть кобчиковая жировая железа. Пощипав клювом эту железу, утка, гусь, лебедь пропускают потом сквозь клюв каждое свое перышко. Но у всякого жира есть запах. А что, как не запах, прежде всего выдает хищнику, где спряталась его добыча. Дикая утка, заметив хищника, может, конечно, улететь. Ну, а если она сидит, например, на гнезде? Ведь не может же она улететь с гнездом?

И вот, наблюдая в Зоопарке за дикими утками, мы заметили, что, пока самка высиживает яйца, она совсем не заботится о блеске своего туалета: она

не обмазывает своего пера жиром и потому ничем не пахнет. А поступай утка иначе, и погибло бы ее потомство если не от хищника, то от другой причины: развивающийся в яйце птенец дышит сквозь поры в скорлупе яйца; обмажьте жиром эту скорлупу, и птенец задохнется в ней.

Токко

Часто слабые, незащищенные животные создают себе в защиту от врагов неприступное убежище. Есть у нас в Зоопарке такая птица, называется она токко. Ростом токко немного крупней нашей сороки. Серая, с белыми крапинками. У токко большие глаза, а клюв хотя большой и длинный, но слабый и средством защиты быть не может. Родом токко из лесов Южной Африки, где у этой птицы много врагов, начиная от хищных птиц и кончая прекрасно лазающими по деревьям древесными змеями.

Когда самочка токко, выбрав дуплянку, построила в ней гнездо и села насиживать яйца, самец перестал есть и очень волновался. Какую пищу ему ни предлагали — от всего он отказывался.

В помещении, где сидели токко, должны были ремонтировать печь. Пришел печник и свалил у печи кучу глины. Токко тотчас набросился на эту глину. Стал ее есть? Нет. Стал носить к дуплянке, все больше и больше заделывая ею отверстие, в котором скрылась его самка. Наконец, он совсем замуровал в дуплянке свою супругу. Напоследок он пробил в сделанной глиняной стенке щелку, в которую теперь мог просунуть только кончик своего собственного клюва, и тогда он набросился на еду. За все время, пока самка высиживала птенцов и пока птенцы ее подрастали, самец неустанно кормил через эту щелку свою семью. Из клюва в клюв он передавал своей заключенной в крепости самке пищу, а она распределяла ее среди птенцов. Когда птенцы подросли настолько, что пришла пора вылетать им из гнезда, принялись они вместе с матерью изнутри долбить твердую глиняную стенку. Они изнутри долбят, а отец снаружи им помогает. До тех пор долбили, пока стенка не рассыпалась на мелкие кусочки и не выпустила молодежь на волю.

Токко замуровал в дупле свою самку

Бурундук

Животные делают себе дома не только для защиты от врагов, но и для защиты от холода, непогоды. Хотя и вырастает у белки к зиме взамен редкого, летнего, рыжего густой, серый, зимний мех, но, видно, не во всякую стужу может служить он ей хорошей защитой от холода. Строят белки себе на деревьях круглые гнезда, нагревают они их изнутри теплом своего тела и дыханьем.

Зоопарковские юннаты измерили термометром температуру гнезда и выяснили, что когда на улице мороз в 15 градусов, то в гнезде у белки 15 градусов тепла. От зимнего холода, от летней засухи многие животные спасаются сном. Есть такой зверек — суслик-песчаник. Мы наблюдали его в Зоопарке, и оказалось, что летом суслик спит месяца три, а зимой — месяца четыре. Лежит он в своей норе, не двигается, пережидает тяжелое время и сил своих зря не тратит.

Одному из юннатов было поручено наблюдение за маленьким полосатым зверьком из семейства беличьих. Зверек этот — бурундук — сидел в крайней наружной клетке отдела грызунов. Юннат заболел. О бурундуке забыли. Служитель думал, что крайняя клетка пустует, и корма в нее не клал. Пришла осень с утренними заморозками. Кто-то из юннатов случайно заметил в крайней клетке окоченевший трупик бурундука. Трупик вынули и снесли в препараторскую, чтобы сделать чучело. Прошел час — и положенный на стол бурундучок стал подергиваться. Через некоторое время он ожил совсем, сел на столе и стал умываться лапками. Перед бурундуком насыпали подсолнухов, орехов. Он набросился на пищу, но больше набивал ею свои защечные мешки, чем проглатывал ее. Когда бурундучка посадили в ящик, он облюбовал один из углов, то и дело бегал в него, садился здесь и, постукивая себя по щечкам сжатой в кулак лапкой, вытряхивал изо рта в этот угол припасенную про запас пищу.

Бегемот „Антон“

Роя глубокие норы, собирая в них большие запасы пищи, некоторые животные остаются в своих норах неподвижными, пережидая засуху или зиму. Только, когда нора промерзает и мороз грозит убить животное, оно внезапно просыпается словно от толчка, набрасывается на пищу, законопачивает все щелки в норе и, утеплившись, опять засыпает до более благоприятных времен. Многие животные, лежа неподвижно в своих норах, четыре зимних месяца обходятся вовсе без пищи.

А вот может ли рыба без воды обойтись и как долго?

Было замечено, что в иле спущенных год назад прудов сохранялись рыбы. Конечно, здесь они оставались неподвижными, но как только воду в пруды вновь напускали, рыба начинала шевелить плавниками, поднималась из ила и плавала в воде как ни в чем не бывало.

А вот бегемот, например, без воды совсем не может жить — покроется весь красным, похожим на кровь потом, все поры кожи у него этим потом закупорятся — и бегемот погибнет. Когда нашего «Антона» везли в Зоопарк, много дней он был в пути и его то и дело обливали из шлангов водой.

Грузный, большой, неповоротливый, бегемот был бы на воле очень заметен врагу, если бы бо́льшую часть своей жизни он не прятался в воде.

Как-то в Зоопарке был такой случай. Вечером прибегает к научному сотруднику служитель слоновника.

— Что делать? Бегемот пропал.

— А ты в бассейне смотрел?

— Смотрел, везде смотрел, нигде нет.

— Странно, бегемот — не булавка, не безделушка какая-нибудь, чтобы посетитель мог ненароком его с собой унести, куда же он у тебя пропал?

— Не знаю.

— А кто же знает?

— Джиндау (слониха) наверно знает. Волнуется она что-то, трубит без передышки.

Пришел научный сотрудник в слоновник — бегемот в водоеме... Высунул из воды ноздри, глаза, уши и ушами поводит.

— Как же ты говорил — пропал, вот он.

— Сейчас-то вижу, что вот он. А тогда сколько минут смотрел, нет нигде да и только, и вода кругом спокойная.

Разговаривают научный сотрудник и служитель, а слониха вдруг опять как затрубит: то ли мышь ей в сене попалась, то ли еще чего Джиндау испугалась, но никак она успокоиться не могла. Услышал бегемот крик Джиндау, окунулся опять в воду и целых пять минут из нее не показывался.

Этой своей способностью долго сидеть под водой не дыша бегемоты пользуются, когда им надо скрыться от врага. Бегемоты прекрасно бегают под водой по дну рек и за пять минут могут далеко уйти от хищника.

Маленький пушной зверек наших озер — выхухоль — и хищник — выдра — тоже подолгу могут оставаться под водой. Выхухоли это помогает скрываться от преследования, выдре, наоборот, — преследовать.

Животные, не строящие себе на зиму домов: волки, лисы, песцы — одеваются к зиме в теплую шубу. Но, чтобы поспеть к холодам, эта шуба должна начать расти у них из-под летнего меха еще в июле, т. е. в самую жару. Так это наблюдалось у зоопарковских песцов. Летний и зимний мех у многих животных бывает защитной окраски: если летом заяц-беляк бурый, то зимой, когда в лесу лежит снег, заяц делается белым. Так же горностай и песец. А горностай — ведь хищник, и эти сезонные перемены меха дают ему возможность быть незаметным и легче нападать на добычу.

Много всяких животных на свете, но нет ни одного, которое не боролось бы за свое существование. Все воюют за жизнь, каждый по-своему, и ни на день, ни на час эта борьба не приостанавливается.

Через границу

Лина Нейман

Рис. П. Митурича

Товарищ Пятницкий, старый большевик, еще мальчиком четырнадцати лет принимал участие в революционном движении. В течение долгих двадцати лет переходил он из тюрьмы в подполье и снова из подполья в тюрьму. «Закаленный большевик»,— сказала однажды о нем Надежда Константиновна Крупская.

Жизнь тов. Пятницкого бесконечно богата всякими революционными приключениями. Рассказ «Через границу»— один из моментов его подпольной работы — перевозка запрещенной «Искры» в 1901 году. Газету «Искра» издавал В. И. Ленин за границей. Подпольная кличка тов. Пятницкого в то время была «Шварц».

Важное поручение

Осенним вечером в Вильне, в глухом предместье, сквозь закрытые ставни убогих лачуг чуть сочился скудный свет керосиновых ламп.

Лавочники с грохотом накладывали железные болты на двери своих лавчонок и припечатывали их ржавыми замками как печатями.

В полутьме перекликались грустные голоса:

— Хана? Как сегодня заработок?

— Заработок? Я уже не помню, когда он был. Не помню, когда видела в последний раз покупателя... Заработки?!

В кривых переулках затихали шаги, затихали голоса.

День кончился.

В это время в угловом доме, за старой пекарней, стукнула калитка. На улицу вышел юноша в ветхом пальто и дырявых башмаках. Он как бы вовсе не чувствовал ни холода, ни сырости и шел словно на прогулку, бодро размахивая руками.

— Однако как хорошо! — прошептал он вслух.

Сегодня его, Шварца, позвали в комитет и дали ему очень важное поручение. Он должен поехать на самую границу. Он поедет за «Искрой». Привезет «Искру» сюда, в Россию.

Шварц долго ходил по уснувшим уличкам. Он сам не заметил, как перед ним расступились домишки и он вышел к реке.

Шварц остановился. Куда он, собственно, идет? У него нет дома. Ему пришлось уйти из своей крохотной полутемной комнатки: он два месяца не платил за нее! Он голоден, давно не обедал: не на что, нет работы — нет и денег. Хозяева-портные точно сговорились: выслушают и хлопнут дверью:

— Смутьянов и забастовщиков нам не надо.

Но разве Шварц будет из-за этого унывать? Какие это все пустяки по сравнению с тем, что ему сегодня предложили!

Когда его спросили в комитете, может ли он выполнить поручение, он не сразу ответил: дух захватило от радости!

— А как же? Почему же нет?

Если бы надо было поехать не только на границу, а через океан и достать «Искру» со дна морского, так он сделал бы и это.

Опасный груз

В темный и дождливый вечер Шварц и его товарищ Яша Левин неподалеку от границы дожидались дилижанса. Рядом с ними стояла большая корзина. На дворе было шумно.

Возле лошади крутился кучер — кривой Янкель. Он долго подтягивал подпруги, привязывал хомут, поглаживал морду лошади:

— Сейчас поедем, рябенькая, сейчас...

— Янкель, когда ты, наконец, перестанешь разговаривать с лошадью?— раздался чей-то нетерпеливый голос.

— В самом деле, когда же мы, наконец, поедем?— послышалось со всех сторон.

Янкель медленно повернулся и подмигнул своим единственным глазом:

— Не спешите! Сейчас поедем.

Он хлопнул длинным кнутом и взобрался на козлы.

— Клади вещи!—закричали Янкелю со всех сторон.

— Подождите! Не горит! — Янкель долго перетряхивал сено, поправлял сиденье, наконец, обернулся, посмотрел на пассажиров с вещами и кивнул головой Шварцу:

— Вам куда ехать?

Шварц переглянулся с Яшей Левиным и не сразу ответил:

— В Ковно... До самого Ковно...

— Тогда давайте вашу корзину.

Шварц и Яша быстро подхватили корзину, а Янкель ткнул в корзину кнутовищем:

— А тут что такое?

Шварц спокойно ответил:

— Везу свои вещи.

Янкель свистнул, подмигнул единственным глазом и забарабанил кнутовищем по крышке корзины:

— Да-да-да...

Кто-то сзади хихикнул. У Шварца руки задрожали. Вот так всегда! Начинается с пустяка. А там, смотришь, недолго и все дело провалить. Сдвинув брови, он сердито подтолкнул корзину:

— Ну-ну, клади!

Янкель опять хитро подмигнул:

— Ну, ну, не горит...

Пока укладывали вещи на крышу дилижанса, увязывали, спорили и усаживались, настала ночь, темная, густая. В окна дилижанса ничего не было видно. Только слышно было, как чавкали по грязи копыта лошадей, как ветки деревьев хлестали в стены старого дилижанса, как дождь стучал в окна, в стены и глухо барабанил по вещам, сложенным на крыше.

— Ой, скорей бы доехать!— сказала со стоном женщина в большой шали.

Старый дилижанс, как бы вторя ей, стонал и кряхтел на каждой выбоине.

Шварц и Левин сидели, прижавшись друг к другу. Дилижанс вдруг сильно подскочил на ухабе и так ударился о землю, что пассажиры чуть не попадали.

— Ни зги не видать,— заворчал Янкель и круто остановил лошадей.

— Что случилось, Янкель?— закричали пассажиры.

Янкель слез, долго поправлял шлеи на лошадях и, наконец, открыл дверь дилижанса. Сквозь ветер и дождь он отрывисто выкрикивал:

— Дальше не повезу! Лошадь устала! Слазь, у кого тяжелые вещи. Не хотите? Так надо прибавить!..

Пассажиры заволновались. Загремели чайники. Женщина в большой шали, спотыкаясь, наступая на ноги, полезла через вещи.

— Ишь, чего захотел! Сказал бы вовремя — не поехала бы. Где я тебе еще денег возьму?

Янкель ткнул кнутовищем в сторону Шварца и Левина.

— Вот кому надо платить. Корзину таскал им — и сейчас еще плечи болят.

И Янкель хлопнул себя по плечу. Шварц понял: придется платить Янкелю, ничего не поделаешь! Но нельзя же сразу сдаваться.

— Подумаешь, какая тяжесть. Я сам тащил корзину, а ты помогал только. Нечего выдумывать: не велика тяжесть!..

Янкель просунул голову в дилижанс, и единственный его глаз как-то странно засветился в темноте:

— Не велика, ну и носись с ней. А я не желаю такие корзины возить. Да-да-да! Не хочу отвечать за них!

Шварц, как бы нехотя, поднялся, зазвенел деньгами:

— На, бери, что с тобой сделаешь...

Янкель стегнул лошадей, дилижанс тронулся. Юноши теснее прижались друг к другу. Шварц наклонился и совсем тихо прошептал товарищу на ухо:

— Если задержат, ты уезжай... Я лучше останусь один...

На мосту

Янкель уже несколько раз останавливал лошадей. Пассажиры сходили с дилижанса, снимали свои вещи. Дождь перестал, край неба посветлел.

В дилижансе остались только Шварц с Левиным и женщина в большой шали. Впереди белел мост. Переехать — и Ковно. Лошади спустились с пригорка, копыта застучали по деревянному мосту. Шварц, вытянув шею, всматривался, скоро ли сходить.

Но вот мост кончился. Янкель сдерживает лошадей. Вдруг яркий свет метнулся перед глазами.

— Тпру!— лошади встали.

У самого дилижанса стоял таможенный чиновник с высоко поднятым фонарем в руке. Пламя дрожало, мигало: трепетный свет пробежал по лошадям, по крыше и остановился ярким кругом на большой корзине.

Толстая рука с фонарем просунулась в дилижанс, а за ней и сам чиновник. Фонарь осветил длинные усы над голым подбородком и туго стянутый на животе мундир.

— Чьи вещи?— спросил чиновник.

— Мои,— твердо сказал Шварц и привстал. Он знал: ему дальше не ехать.

— Один едешь?

И опять он так же твердо ответил:

— Один.

И тут же подумал: сейчас его выдадут Янкель или женщина в большой шали. Но те молчали.

Дилижанс уехал... Яша Левин уехал... А Шварц с большой корзиной, с тремя пудами запрещенной литературы, стоял посреди дороги. С реки дул резкий ветер — Шварц поднял воротник.

— Что везешь?— кричал толстый чиновник, и ветер относил его слова в сторону.

— Смотрите сами.

— Газеты...— разочарованно протянул чиновник,— да как много.

Шварц подбодрился.

— Ну да, газеты. Их ждут. Их рано утром надо уже продавать в киоске. Опоздаю, так вы за это ответите.

— Ну, ну, спешить нечего, — сердито возразил чиновник.

Он пытался зажечь огарок свечи в фонаре, но свеча догорела.

— Тьфу,— выругался чиновник и достал из кармана коробку спичек.

— Ну-ка, что за газеты?..

Вспыхнуло слабое пламя и сейчас же погасло: гасил ветер с реки. Без конца чиркали спички, загорались, освещали толстую ладонь чиновника и гасли.

Тогда Шварц, наконец, решился. Он давно нащупал в кармане пятирублевку. Нерешительно сунул ее в руку чиновнику.

Тот сделал вид, что ничего не случилось, но тотчас же бросил зажженную спичку:

— Ладно, бери свои газеты.

Рано утром

Шварц, согнувшись, с корзиной на спине, шел по каменным ступенькам набережной. У него подгибались ноги от усталости. Он останавливался, опираясь корзиной о перила. И лез дальше по лестнице.

Уже светало. Он беспокойно оглядывался по сторонам. А вдруг погоня? Скорей бы свернуть в сторону, в глухой переулок... Так легче удрать от чиновника.

Шварц с трудом выбрался на набережную. Он весь был мокрый. Корзина резала плечи. Он пошатнулся и упал вместе с корзиной. Встал, но уже не было сил взвалить корзину на плечи. А ветер с реки рвал с него шапку, пальто. Сквозь свист ветра все чудилось, что его окликают, за ним гонятся.

Он покатил корзину как бочку. В бледном рассвете вырисовывался город. Неподалеку на набережной, на голубом фоне неба, неподвижно стояла извощичья пролетка. Шварц нащупал в кармане еще пятнадцать копеек. С трудом взвалил корзину на пролетку, примостился рядом с ней и облегченно вздохнул.

Казалось, все кончено. Скоро можно будет, наконец, отдохнуть. Он едет к подруге своей сестры Симы. Она хорошо его примет.

У маленького домика под горой его встретил Яша Левин.

— Ты ждал меня?— удивился Шварц.

— Я знал, что ты только сюда можешь приехать!

Яша радостно суетился, помогая втащить корзину в дом.

— Скорей тушить свет и спать!—говорит Шварц.— Как бы сюда не нагрянули...

Он был очень измучен. Капельки пота блестели на смуглом лбу.

Не успели лечь, не успели положить головы на подушки, как вдруг.. Что это? Может быть, так, померещилось? Нет, стучат в дверь и довольно сильно.

— Шварц, слышишь?

— Да. Может, не к нам?..

— К нам. Слышишь?

Шварц давно спустил ноги с кровати. Ждет. Стук усиливается. Яша, неодетый, мечется по комнате:

— Говори скорей, куда спрятать литературу? Конец! Бежим через окно. Все равно пропали!

И Яша бежит открывать окно. Но Шварц отстраняет его:

— Не глупи!

Шварц с решительным и спокойным видом идет к двери и откидывает крюк.

□ □ □

Яша помог втащить корзину в дом

— Ну и спите! Как мертвые! Никак не добудишься. А еще велели к празднику прибраться.

На пороге стояла молодая женщина в платочке, в подоткнутой юбке, с ведром и тряпкой в руках.

— Вот здоровы спать! Как медведи зимой.

Шварц и Яша громко захохотали. Молодая женщина долго стояла с ведром и тряпкой в руках. Она никак не могла понять, чего они хохочут: «Вот дурные...»

Через некоторое время желтая корзина, набитая доверху, со вздувшейся крышкой, туго перевязанная веревкой, поехала дальше: сначала в Вилькомир, потом в Вильно и дальше...

По всей России разошлись листки «Искры».

ЖОНГЛЕРЫ

Товарищ Жанто — один из старейших и лучших цирковых артистов Советского союза. Он вот уже сорок восемь лет работает на арене, жонглирует сам, готовит новых актеров этого трудного искусства для советского цирка.

Мы попросили его рассказать о своей жизни, о своем искусстве. Вот что он рассказывает.

В. Жанто

Рис. А. Фонвизина

Первый раз я появился на арене в чемодане. Это было в маленьком провинциальном цирке. Тогда у клоунов был в моде такой трюк: клоун выходит на сцену с большим чемоданом, он еле его тащит и все время острит насчет его содержимого. В неожиданном месте чемодан раскрывается, из него выскакивает маленький мальчик в блестящей одежде. Мальчик раскланивается, посылает публике воздушные поцелуи и убегает.

Вот таким мальчиком из чемодана выскочил я на арену цирка 48 лет назад.

До того, как попасть в чемодан, меня и других цирковых мальчиков и девочек долго обучали всяким цирковым штукам. Первым делом — «каучуку» (так называется в цирке особое упражнение, при котором все тело выгибается назад) и многим другим вещам.

У нас в цирке считалось, что настоящий циркач тот, кто умеет, кроме своей основной профессии, делать все, что делают его товарищи.

По профессии я жонглер. Но до того, как стать им, я был гимнастом, наездником, акробатом, эквилибристом. Я испробовал много разных жанров, пока не выбрал жонглерства.

С детства нас учили всем видам циркового искусства. В цирке не было мальчика, который бы не умел делать сальто-мортале, ездить на конях, делать различные акробатические упражнения, ловко обращаться с различными предметами. Только с одним предметом обращаться мы не умели — это с книгой. Грамоте нас почти не учили. Потому среди старых цирковых работников очень мало образованных людей.

●

Я рано потерял отца и мать и попал в цирк. Все цирковые ребята были или сироты вроде меня или дети цирковых артистов. Особенно плохо приходилось нам, ребятам, попавшим в цирк с улицы. Обращались с нами очень жестоко, а убежать мы все равно не могли: некуда да и не к кому было бежать. Так и кочевали из города в город вместе со всей труппой и со сложным цирковым хозяйством.

Особенно плохо приходилось зимой. Хороших закрытых цирков было мало, и большей частью мы работали под парусиновой крышей. В Москве лет 35 назад в трескучие морозы мы давали по 18 представлений в день.

В Тобольске со мной был такой случай. Мы выступали как всегда в открытом помещении, шла в этот день пантомима «Браконьеры». По ходу действия я должен был выбежать из лесу и стрелять в браконьера. Для этого я должен был обежать вокруг всего помещения и появиться с другой стороны. Несмотря на мороз я был в легких штанах, в белой рубахе, босиком. Когда я проделал всю эту процедуру: обежал кругом цирка и выстрелил,— какая-то женщина вскрикнула.

Представление окончилось, и к нам вдруг пришли двое полицейских и стали составлять протокол. Одна из зрительниц пожаловалась, что пуля моего ружья прострелила ее пальто.

— Как это могло произойти? Ведь я стрелял холостыми патронами!

Оказывается, во время бега я сунул ствол ружья в снег, при выстреле холодная часть ствола отлетела.

●

Очень долго я работал на различных жанрах, и только лет через 20 я выбрал для себя жонглерство. Мне нравилось это красивое и опасное искусство. Между прочим в цирке нет ничего неопасного: все опасно, и даже невинное жонглирование может кончиться очень скверно, если им займется какой-нибудь неопытный человек.

Один раз наша труппа выступала в небольшом городке — Троицке. После моего выступления судебный пристав пригласил нас к себе на ужин (он был в цирке своим человеком, так как часто описывал нас за долги). На столе стояла горящая лампа. Пристав решил с ней проделать то же, что несколько минут тому назад делал я на сцене: он взял ее и стал балансировать, лампа упала, и начался пожар, от которого мы еле спаслись.

Я уже был довольно известным жонглером, но зависел от директора цирка так же, как когда я был мальчиком. Жалованье мне платили такое маленькое, что я не мог купить себе ни костюма, ни необходимых для жонглирования вещей.

И так работали многие цирковые артисты. Конечно, каждый из нас старался выдвинуться каким-нибудь необычайным трюком и затмить всех остальных. Несмотря на это мы были хорошими товарищами.

Помню, как один раз товарищи выручили меня из беды. Я жонглировал тарелками. Все шло хорошо, как вдруг одна тарелка вырвалась из рук, взлетела выше, чем надо, ударилась о какую-то перекладину и полетела в публику. Я делаю вид, что ничего не произошло и продолжаю работать. Думал, что так и

Жонглер работает с горящими факелами

обошлось. Но после представления за кулисы пришел околоточный надзиратель и стал составлять протокол.

— Который из вас кинул тарелку?

И тут вдруг мы все разучились понимать по-русски. Товарищи обступили меня, и мы стали разговаривать на английском, немецком, французском и итальянском языках. Одним словом на всех языках мира кроме русского.

— Как фамилия артиста, который это сделал?

Все делают удивленные лица.

Через некоторое время меня вызвали в полицию (там я уж разговаривал по-русски) и предложили заплатить штраф — пять рублей. Дело кончилось тем, что надзиратель получил контрамарку в цирк.

Только через много лет я со своей женой (я ее тоже обучил жонглированию) уже совсем самостоятельно раз'езжал по различным городам и выступал в цирке. Перед нашим приездом на улицах висели большие афиши:

„ЗНАМЕНИТЫЙ ЖОНГЛЕР ВИКТОР ЖАНТО И ЛИЗЕТТ ЖАНТО ВЫСТУПЯТ СО СВОИМИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМИ НОМЕРАМИ"

Но даже со знаменитым жонглером бывают неудачи.

Мы приехали в Варшаву — большой европейский город с хорошим цирком. О нашем приезде было известно заранее, и, когда мы приехали, все билеты были проданы, цирк был полон.

Мы решили выступить в Варшаве с новым трюком. Делалось это так: я держал канделябр (подсвечник для нескольких свечей), а жена бросала через голову три зажженные свечи, и они попадали в предназначенные для них места. Нужна была очень большая точность и ловкость потому, что достаточно было отклонить канделябр хотя бы на волосок вcторону, как свечи летели на пол.

Этого трюка мы еще нигде не показывали, но репетировали его долго, и получался он прекрасно.

Мы начали с несложных номеров, потом постепенно переходили к более трудным и, наконец, взялись за канделябр. Оркестр замолчал, публика видит, что номер серьезный,— замерла. В цирке тишина мертвая. Жена зажгла свечи, я держу канделябр.

— Алле!

Свечи летят, две попадают в отверстия, а третья падает на пол. В публике шум.

Я поднимаю руку: не волнуйтесь, мол, это случайность. Мы берем второй раз.

— Алле!

Одна свеча попадает в отверстие, две падают на пол. Публика шумит, свистит. Мы отставляем проклятые свечи вcторону, делаем другие номера, но оба страшно волнуемся. Это — наше первое выступление в Варшаве, и если мы провалимся, во всем цирковом мире станет известно, что жонглеры Жанто ничего не стоят, и никакой цирк нас не пригласит.

Мы делаем другие номера и, наконец, снова беремся за канделябр. В публике начинается смех, никто не хочет смотреть неудавшийся номер, но я показываю жестом: последний раз, если не выйдет, бросаем.

Мы берем себя в руки...

— Алле!

Все три свечи в канделябре. Публика хлопает вдвое сильней. Мы раскланиваемся и уходим со сцены уставшие так, как будто мы целый день работали...

Был у меня еще один интересный трюк. Я бросал в публику легкие диски и кидал их с таким расчетом, чтобы они возвращались ко мне обратно вроде бумеранга, но бумеранг ловить нельзя: он может убить, а мои легкие диски без всякого ущерба попадали ко мне в руки.

Здесь тоже был неприятный случай. Дело было в открытом театре. Подул ветер, отнес мой диск вcторону, и он шлепнулся в оркестр, на лысину дирижера. Оркестр замолчал. Дирижер обиделся.

— Не буду я дирижировать, пока он будет швыряться своими кружками.

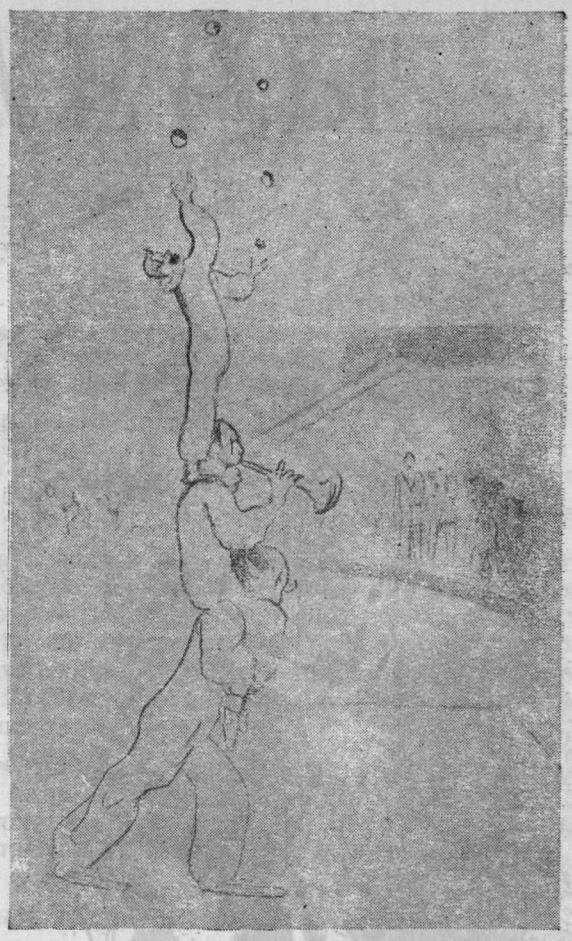
С большим трудом мы его уговорили, а то пришлось бы мне прекратить выступление: без музыки жонглировать очень трудно.

●

Жонглерство развивает в человеке ловкость, силу, внимание и сообразительность.

Вы, читающие сейчас мою статью,—все по сути дела можете стать жонглерами. Вы жонглируете, когда кидаете мяч, когда катаете обруч, когда играете в серсо. Одни делают это хорошо, другие — плохо. Одни способны стать настоящими жонглерами, другие — нет. Но было бы очень неплохо, если бы все ребята, независимо от того, способные они или нет, обучались жонглированию. Я вам советую, после того, как прочитаете мою статью, попробовать пожонглировать несколькими предметами. Сразу это, конечно, трудно, и без терпения здесь дело не выйдет, но все-таки я советую вам этим заняться, только не жонглируйте тарелками, стаканами, чернильницами, а более безопасными вещами.

●



Жонглеры

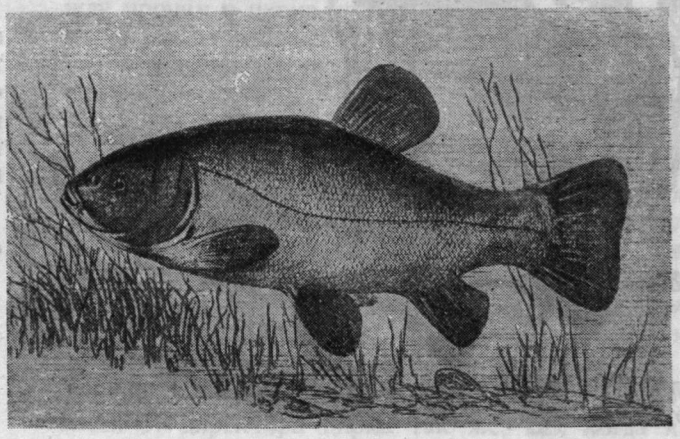
ШЕСТОЕ ЧУВСТВО РЫБЫ

У всех животных пять чувств (зрение, слух, осязание, обоняние и вкус), а у рыб есть еще шестое чувство — чувство давления воды. Это как бы «компас» рыбы, при помощи которого она определяет, куда ей надо плыть. Ощущая слабые и сильные токи в воде, она плывет именно туда, где эти токи слабее и оказывают меньшее сопротивление.

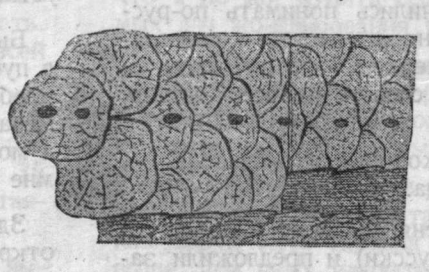
Органом этого шестого чувства рыбы является боковая линия. Эта линия проходит вдоль всего тела рыбы—от головы до хвоста. Она состоит из ряда отверстий, которые проходят через верхний слой кожи и заканчиваются небольшими канальцами в чешуйках. Все эти отверстия под кожей соединены продольным каналом, идущим к головному мозгу. Иногда боковых линий у рыбы бывает несколько, и тогда они соединены между собою еще поперечными каналами, но чаще всего боковая линия одна, и у большинства рыб она резко выражена.

Понятно, что это шестое чувство очень важно для рыб: не будь его, им было бы очень трудно плавать.

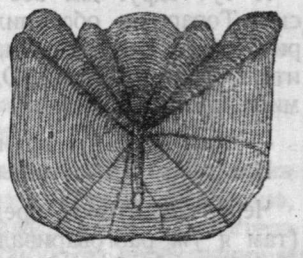
Особенно важно оно для рыб, путешествующих во время метания икры из морских бассейнов в реки и обратно.



Рыба с ясно выраженной боковой линией



Расположение чешуи с канальцами



Чешуйка с канальцем

МЕРТВЫЕ ГОРОДА

А. К. Покровская

(Окончание)

Через год Гедин пошел другой дорогой. Он стремился пройти как можно больше новых дорог.

Поход начался в феврале.

По пути к мертвому городу они должны были встретить два оазиса, и в расчете на это был сделан запас льда.

Но караван шел уже много дней, а перед ним все расстилалась глинистая пустыня, твердая как камень, гладкая как озеро. Никаких признаков воды! Положение становилось опасным. Уже несколько дней верблюды не получали ни кусочка льда.

19 февраля Гедин пошел вперед. Его обессиленная лошадь как собака поплелась за ним.

Вдруг неожиданно перед ним возникло русло высохшего ручья. Следы диких верблюдов шли по дну веером, сходясь к одному месту. Там лежало озерко, превратившееся в широкую и тонкую ледяную лепешку — 12 метров в диаметре, 7 сантиметров толщиной. Запасов сделать было не из чего. Но все-таки это было спасение. Верблюды жадно грызли лед. Следующий оазис они должны были встретить вблизи развалин.

Вожатый каравана заметил вдали сторожевую башню

В пути их захватил туман.

Ничего нельзя было различить — шли по компасу. Гедин боялся, что они пройдут мимо оазиса. Двигались медленнее чем всегда. Проводники напряженно вглядывались в обступавшую их мглу.

И вот впереди мелькнула желтизна.

Верблюды вдруг зашагали быстрей: они узнали камыши.

Все оживилось.

Вскоре развьюченные животные жевали полувысохшие стебли, а повеселевшие люди раскалывали лед в промерзшем до дна ручье.

Гедин решил здесь оставить ослабевших животных и одного из вожатых, а остальных верблюдов нагрузили льдом и провиантом и отправились к развалинам.

3 марта они разбили лагерь возле сторожевой башни.

Верблюдов отправили назад к ручью за новым запасом льда. Люди остались одни, отрезанные от всего мира.

Они ходили по мертвым улицам и садам, отыскивали в песчаных дюнах следы дорог, по которым когда-то двигались караваны.

Большинство домов было из дерева. Хижины бедняков не уцелели: они строились из камыша и глины. В некоторых домах сохранились еще дверные косяки.

В одном доме осталась растворенная дверь. Кто-то полторы тысячи лет назад вышел из этого дома и позабыл затворить за собой дверь. Гедин спешил снимать планы, зарисовывать, фотографировать.

Он торопил с раскопками.

Он об'явил награду тому, кто первый откопает какие-нибудь письмена. Сначала стали попадаться кости домашних животных, обрывки веревок, клочки войлока, куски шерстяных и шолковых тканей, наконечники стрел.

Долго не находилось ничего замечательного. Но вот кто-то отрыл первую дощечку, покрытую китайскими письменами.

Другой рыл песок в развалинах конюшни и вдруг увидал клочок исписанной бумаги. Это была уже драгоценная находка. Гедин сам перебрал песок в этом месте и нашел еще 36 кусочков. Впоследствии оказалось, что здесь найдена древнейшая в мире бумажная рукопись. Китайцы изобрели бумагу в 105 году нашей эры, рукопись эта была написана вскоре после изобретения бумаги.

Потом стали находить листочки исписанной бумаги, вложенные между двумя деревянными дощечками, как письма в деревянных конвертах.

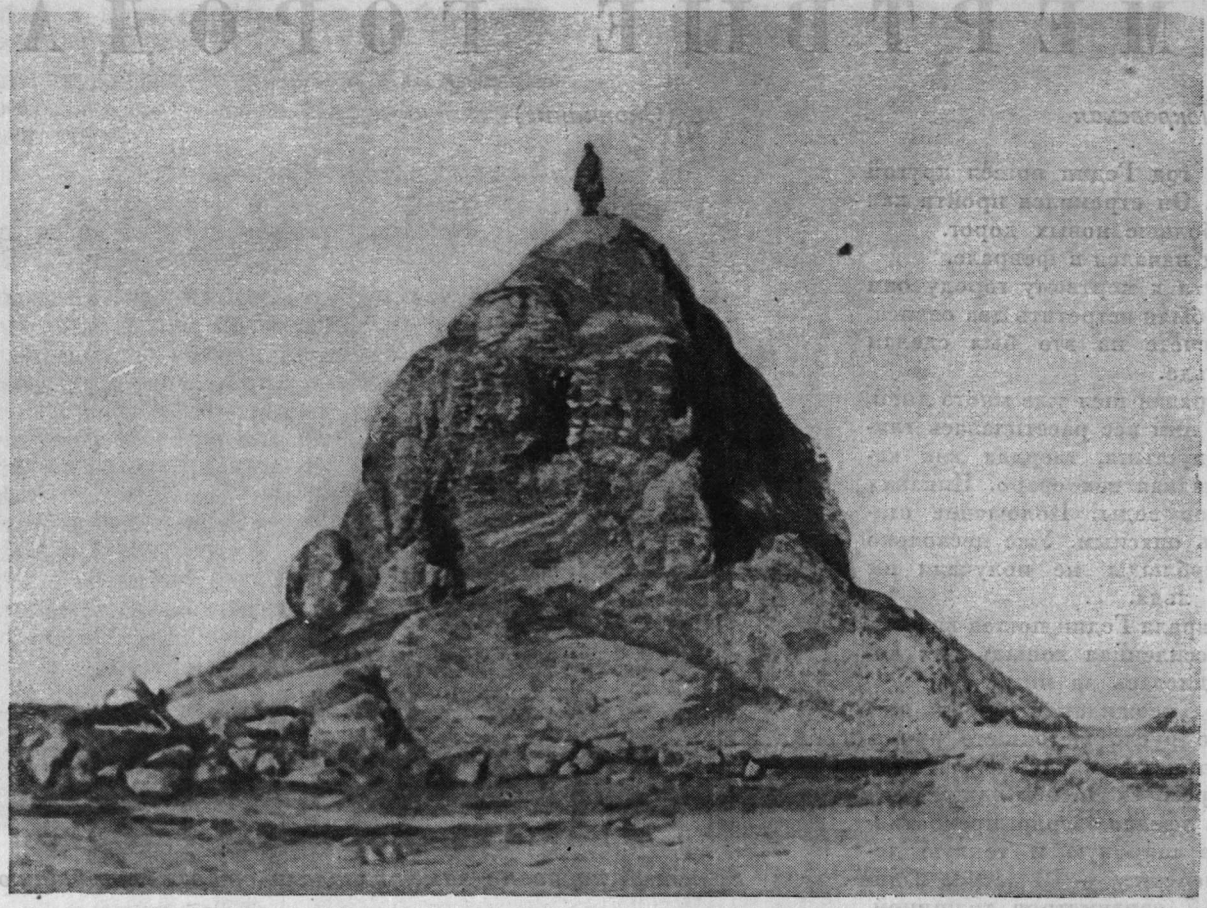
Досок, покрытых письменами, раскопали очень много.

Набрали довольно много монет, бронзовых и железных предметов, осколков стекла, кусков тканей: шерстяных, полотняных, шолковых, нашли шерстяной ковер и постельное покрывало из шолка.

Из стрел составилась целая коллекция: были найдены стрелы охотничьи, стрелы боевые и стрелы поджигательные, которые употреблялись при осаде городов и, возможно, были пущены в город осаждавшим его неприятелем.

Золота, серебра и прочих драгоценностей не нашли. Но кусочки сирийского стекла и античные геммы с изображением греческого бога Гермеса оказались дороже всех драгоценностей.

Почему?



Развалины сторожевой башни

Потому что когда археологи и историки разобрались в находках Гедина и прочитали все письмена, перед ними открылась не только былая жизнь мертвого города на границе древнего китайского царства: для них осветился один из темных вопросов в истории человеческой культуры.

Были ли в древности сношения между крайним западом и крайним востоком европейско-азиатского материка? Знали ли в Китае о существовании Греции и Рима? Знал ли античный мир о существовании китайской цивилизации?

Когда гораздо позднее, в средние века, итальянец Марко Поло открыл Китай, в Европе ему даже не сразу поверили. До Марко Поло никто из европейцев не подозревал о существовании Китая.

Все деревянные дощечки и каждый клочок исписанной бумаги теперь уже прочитаны.

И разгадан смысл всех найденных вещей.

О мертвом городе можно написать целую книгу.

Клочки бумажной рукописи оказались ученым историческим сочинением. На дощечках писались доклады чиновников, рапорты военных начальников, счета и расписки товарных и продовольственных складов, в деревянных конвертах сохранились частные письма и новогодние поздравления. На одной дощечке детской рукой было написано:

$$2 \times 8 = 16$$
$$9 \times 9 = 81$$

Очевидно, это была школьная тетрадка. А вот перевод письма, полученного кем-то в мертвом городе:

«Чжао Цзы говорит. Чжао находится далеко от своего дома. Дома остались его младшие братья, сестры и дети. У них недостатки в пище и одежде. Они послали гонца к Тленки Ванг-Хе в Нанчу, чтобы получить разрешение на доставку 50 бутелей зерна для пропитания. Чжао Дзи просит вас употребить свое внимание на Хе, чтобы он дал разрешение без задержки, и надеется на ваше благожелательство. Нет необходимости тратить много слов. Так говорит Чжао Дзи».

Город назывался Лу Лан. В нем были базары, гостиницы, склады товаров и почта. Это был пограничный город. Крепость была окружена глинобитными стенами, и сторожевые башни были расставлены далеко по дорогам.

По остаткам огромных глиняных сосудов во дворах можно догадаться, что в них хранились запасы воды. В богатых домах неровные деревянные полы устилались камышевыми цыновками, а сверху покрывались коврами. На кроватях лежали китайские шолковые покрывала. Бронзовые чаши и сосуды тонкой чеканки с изображениями львов вывозились, несомненно, из Персии.

Стеклянные кубки и флаконы, осколки от которых собрал Свен Гедин, несомненно, доставлялись из Сирии. Но самое замечательное — это античные геммы греческой работы. Мертвый город Лу Лан стоял на великом караванном пути из китайского царства на юг, в Персию и в Индию, и на запад, в Европу, в Грецию и Рим.

Минуло шестнадцать столетий с тех пор, как Лу Лан пал под напором диких кочевников.

Его затопило сухими волнами надвигавшееся с севера песчаное море.

ПОЧТА доктора Звенового

Новый ручей

Письмо Юры Золотова и Шуры Разина

Московская область, Коммунистический район, дер. Бортниково

Каждый раз весной и осенью после сильных дождей в нашу речку со всех холмов текли грязные потоки воды со всякими нечистотами. Тогда начинали все ругаться и шли за полторы версты к старому, заброшенному колодцу. Я и Шурка Разин задумались над этим. Недалеко от деревни протекал маленький ручеек, вода в ручье была чистая, но он был заброшен и пересыхал. Мы с Шуркой взяли топор, лопату и отправились к ручью.

Первым делом я стал копать его исток, там разрыли родник и опять пошли к пруду (это где будут воду брать). Копал я его долго, а Шурка рубил толстые колья. Наконец, выкопал прудок. Шурка принес кольев. Вколотили колья в землю в два ряда, в полуметре от прудка, и потом сделали плетень. Плетень сделали высокий, чтобы вода через край не шла. Отдохнули немного и снова принялись за работу. Между двух плетней мы насыпали земли, утрамбовали, умяли всю землю и, посмотрев, решили, что плотина удалась наславу. Позвали ребят, и те сказали, что плотина очень хорошая. А на следующее утро пошел дождь, мы весь день сидели дома, только под вечер, когда дождь перестал, мы с Шуркой и еще ребят пять пошли на новый ручей. Когда пришли туда, вода так и хлестала через край. Вода была чистая и свежая.

В этот же день вся деревня ходила на наш ручей за водой. И все нас хвалили: «Молодцы, ребята, хорошее дело сделали, от этой воды животы болеть не будут».

Письмо Паши Шишкарева

Челябинская обл. Частоозерский район, Н.-Троицкое

Ученым-естествоиспытателям очень важно знать направление и продолжительность полета птиц.

Для этого они одевают кольцо на лапку дикой птицы, чтобы потом узнать, какой полет совершила эта птица.

Утка, которую подстрелил Паша, была закольцована на Биологической станции юных натуралистов. По цифрам, которые имеются на кольце, можно судить, что это было 24 мая 1929 года. Если кто-нибудь из ребят тоже поймал утку с кольцом на лапке, пусть немедленно нам напишет.

„Москва 24.5.29. БЮНД“

В выходной день я встал очень рано, вычистил ружье и вместе с собакой «Бобиком» пошел на охоту. Дело было осенью, и дорога была вся усыпана пожелтевшими листьями. До озера «Барсучье» надо было идти 2 километра. Это озеро заросло кругом камышом. «Бобик» все время прыгал вокруг меня и забегал вперед.

Когда я дошел до озера, я залег в «складке» (это такое место), чтоб утки меня не видели. Мне пришлось ждать недолго. Совсем близко от меня на воду опустилось несколько уток. У нас их называют «гоголи».

Я прицелился и выстрелил. Утки быстро поднялись и улетели. Когда дым совсем рассеялся, я увидал, что на воде лежит один мертвый гоголь. Я полез в воду и вытащил его. Сначала я не заметил, что на ноге у него какое-то кольцо. Потом, когда уже стал собираться домой, увидел это кольцо. На нем была такая надпись: «Москва, 24.5.29 БЮНД».

Я потом спрашивал многих, что эта надпись значит, но никто не знает.

У меня и сейчас хранится лапка утки с кольцом.

Письмо
Иосифа Ратнера

БССР, Минск

Музей, который сделал Иосиф Ратнер, судя по его письму, очень интересен. И самое главное то, что все собранные Иосифом материалы не просто лежат по полочкам и на столе, а ребята приходят к Иосифу, читают собранные им книги, занимаются. Этот музей помогает им заниматься.

А ведь у многих других ребят дома лежат прекрасные книги и покрываются пылью, потому что ребята их не читают.

Поэтому Иосиф сделал очень хорошо, что устроил такой большой и хороший музей и вместе с ребятами старается хорошо изучить историю России и революционного движения.

Мой „музей“

Я читал очень много книг об истории революции и однажды был в Музее революции. Когда я шел из Музея домой, я решил у себя дома устроить что-то вроде Музея революции. Это было в марте прошлого года.

Я начал собирать разные картины, фотографии. Сначала у меня их было всего 90 штук. Когда ребята узнали про мой «музей», они стали приносить мне разные картинки, я отбирал самые интересные, но у меня все-таки набралось их очень много. Тогда я решил сделать несколько отделов.

У меня сейчас: «восстание Разина», «стрелецкий бунт», «пугачевщина» и «восстание декабристов».

Я собрал много материалов про гражданскую войну в СССР и про жизнь Владимира Ильича Ленина. Это самый полный и интересный отдел.

Я решил сделать отдел «за рубежом». Из истории революционного движения у меня документов очень мало. Я их начал собирать недавно. Поэтому у меня в этом отделе есть вырезки и из прошлого революционных рабочих и о борьбе компартий сейчас.

Все ребята нашей школы очень интересуются моим «музеем». Они часто ходят ко мне. В июле я сделал выставку, посвященную истории Белоруссии. Ребята из нашего отряда пришли ко мне и помогли получше оформить эту выставку.

Смотреть выставку приходили не только ребята, но и взрослые. В моем «музее» сейчас 520 картин, 270 документов, много диаграмм и разных вырезок.

Сейчас я устроил «музейную» библиотечку. В ней уже 250 книг. Ребята приходят ко мне уже не только смотреть, но и заниматься. Сам я благодаря «музею» знаю теперь довольно хорошо историю России.

Письмо
Лени Шавелева

Гор. Куйбышев

Снежные фигуры

У нас очень много ребят, которые любят рисовать; когда у нас не было кружка ИЗО, ребята рисовали везде, и даже на стенках. А сейчас у нас организован кружок ИЗО, и все ребята вошли в него. Нам купили бумаги, карандашей, красок и дали руководителя — Мазина, Михаила Васильевича. И сейчас мы рисуем.

Вся наша комната увешана нашими рисунками. А еще мы учимся лепить. На дворе у нас много глины, я и Сеничкин пошли туда и стали месить глину, да так неаккуратно, что все вымазались, а потом уж стали лепить. Сеничкин — фигуру Ленина, а я — красноармейца. Сеничкину одному было трудно лепить, ему помогал руководитель. Своего красноармейца я сделал быстро, но когда я стал ставить его на стол, то у него отвалилась рука, потому что глина была очень сухая, потом я сделал его из мягкой глины, и рука вышла лучше, чем была.

Хотели мы сделать красноармейца из снега, стали катать комья снега, и только накатали три кома, как снега не хватило, а теперь мы ждем, когда снега будет больше и морозы пройдут. Тогда мы обязательно сделаем красноармейца.

Письмо Миши Безрукова

Иваново

Железная дорога

Мне попался старый журнал «Пионер». В нем было описано, как сделать модель железной дороги. Прочитав это, я решил тоже сделать железную дорогу. Купил пилок для лобзика, достал фанеры и начал строить.

С самого начала я стал делать вокзал. Сначала боковые стенки, а потом крышу. Когда я собрал вокзал, я покрасил боковые стенки голубой, а крышу черной красками. Для того чтобы вокзал был больше похож на настоящий, в окна я вставил маленькие стеклышки.

Потом я начал делать паровоз. В журнале было описание паровоза без бортиков на колесах, а я сделал бортики из картона, для того чтобы паровозы и вагоны могли ездить по рельсам.

Делал я их так: взял картон и вырезал кружки немного больше колес паровозов и вагонов, например: диаметр бегунка паровоза в 2 сантиметра, а кружки я вырезал диаметром в 3 сантиметра, а после приклеивал к колесам. Котел паровоза, будку машиниста, тендер я покрасил зеленой краской, а колеса — черной краской с красной каемочкой по бокам.

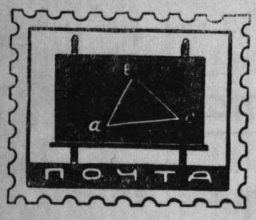
Вагоны я сначала пробовал делать из тонких дощечек. Но ничего не получалось, потому что очень плохо выпиливаются окна. У вагонов как и у паровозов я сделал буфера и крюки для сцепки вагонов и паровозов. У вагонов на колесах я тоже сделал бортики, чтобы и вагоны могли ездить по рельсам. Боковые стенки вагонов я покрасил зеленой, а крыши и колеса — черной краской.

Сделал я и железнодорожный путь—рельсы и шпалы—из деревянных брусочков. Шпалы я делал из брусочков $6 \times 2 \times 1$ сантиметров, а рельсы из брусочков $40 \times 1 \times 1$ сантиметров с желобком по бокам. Рельсы и шпалы я сколотил маленькими гвоздиками, и получился железнодорожный путь отдельными звеньями по 40 сантиметров. Его можно собирать и разбирать.

Моя железная дорога в эксплоатации уже была, и паровозы и вагоны очень хорошо ездили по рельсам.

Многие ребята тоже, наверное, хотят построить железную дорогу и вагоны. Описание модели железной дороги и вагонов было помещено в номере 17—18 за 1934 год. А в номере 20 за тот же год были помещены чертежи подвесной железной дороги.

Эти номера журналов можно достать в любой библиотеке или читальне.



Письмо Виталия Банслова

Пестово, Кировской ж. д., Пестовская средняя школа, 8-й класс „А".

НОВАЯ ТЕОРЕМА

Мы получили от Виталия Банслова теорему, которую он сам придумал. Его теорему мы показали математику Молодшину. И вот что он сказал:

«Теорема Виталия неправильна вот почему: параллелограм, построенный им, не является ромбом — ведь ромб это равносторонний параллелограм, а у Виталия получается, что сторона KA равна NF, но больше стороны FM равной KF. Поэтому угол α не равен углу β. Эта ошибка получилась потому, что Виталий из равенства треугольников AKF и AFN сделал заключение, что угол α равен углу β. Это не верно, так как у равных треугольников против равных углов лежат равные стороны. На основании этого можно заключить, что угол β равен углу FAM и угол KAF равен углу α, но это совсем не значит, что угол α равен углу β. Теорема оказалась неправильной, но все же по ней видно, что Виталий серьезно и вдумчиво изучает геометрию, ее стоит напечатать и разобрать».

Я люблю заниматься геометрией и придумал одну теорему. Вот она:

Прямая линия, исходящая из угла равнобедренного треугольника, проходящая через вершину угла квадрата, у которого один угол лежит на боковой стороне, а два прилегают к основанию, всегда будет биссектрисой.

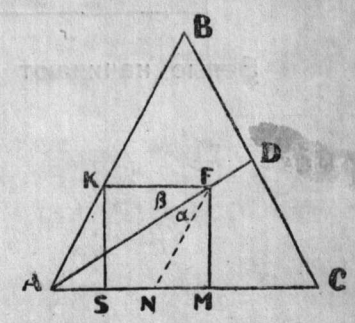
Дан треугольник ABC, а KFSM—квадрат. Требуется доказать, что AD — биссектриса.

Доказать это можно так: из угла KFM квадрата KFSM провожу прямую, параллельную AK. При этом получаю равносторонний параллелограм KFNA.

Стороны равны на основании теоремы о параллельных отрезках, заключенных между параллельными сторонами. Диагональ в таком параллелограме делит его на два равных треугольника.

Вот, исходя из такого доказательства, я решил что AD всегда будет биссектрисой.

Напишите мне, пожалуйста, правильна моя теорема, или нет.



Письмо

Аллы Чиркиной

Москва, 69, Трубниковский пер., д. 26, кв. 40.

«Вблизи города Мексико в озерах живут рыбы с мягкой кожей и четырьмя ногами, похожими на ноги ящериц. Эти рыбы бывают около локтя длиной и дюйма шириной».

Так писал про аксолотлей один испанский путешественник, увидевший их впервые. Тигровый аксолотль хорошо прижился в наших аквариумах. Он очень прожорлив и готов с'есть не только ужа, как об этом рассказывает Алла, но и своих братьев — более слабых аксолотлей.

Тот опыт, который проводит Алла, вполне доказан. Путем постепенного уменьшения воды можно превратить молодые личинки аксолотля в сухопутных саламандр.

Хищный аксолотль

У меня есть дома уж, ящерица и аксолотль. Ящерица и уж живут в одном террариуме. Живут они очень мирно. Сейчас они уже заснули на всю зиму. Аксолотль живет в отдельном аквариуме. Я положила туда песку, камешков и ракушек. Пусть он себя чувствует как на свободе. Аксолотль — очень интересное животное. Его родина — Мексика. Когда он вырастает, то у него постепенно начинают отпадать жабры и хвост из веслообразного превратится в тонкий, как у ящерицы. Таким образом, аксолотль превращается в земноводное — амблистому. Этого превращения можно также добиться, постепенно понижая уровень воды в аквариуме.

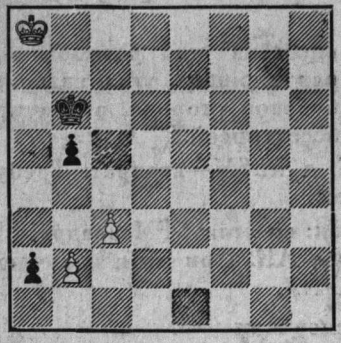
Я это слышала в школе и решила попробовать на своем аксолотле. Я стала понемногу, почти незаметно, понижать уровень воды в аквариуме. И теперь я заметила, что у моего аксолотля стали уже совсем маленькие жабры и он часто высовывает голову на поверхность воды.

Аксолотль — хищник. Как-то раз я пустила поплавать ужа к аксолотлю. Аксолотль, как только увидел ужа, схватил его поперек живота. Уж корчился и извивался, но аксолотль держал его очень крепко.

С большим трудом я освободила ужа от аксолотля. Тогда аксолотль как ни в чем не бывало опустился на дно и начал выслеживать новую добычу. Кормлю я его сырым мясом.

Шахматный отдел

Этюд мастера Н. Д. ГРИГОРЬЕВА



Белые начинают и выигрывают.

Куда двигался танк?

В прошлом номере мы поместили военную задачу. Вот ответ на нее:

Разведчик мог определить направление, в котором двигался танк, по следующим признакам:

1) ветви в частом кустарнике были погнуты и поломаны в направлении движения танка;

2) трава была примята гусеницами танка также в направлении его движения;

3) так как танк из грязи вышел на чистое шоссе, то он запачкал его (так же, как человек, входящий с грязной улицы в чистое помещение).

Что это за история?

В номере 22 на третьей странице обложки мы поместили восемь рисунков к рассказу известного русского писателя. Мало кто из ребят отгадал, что эти рисунки сделаны к рассказу А. П. Чехова «Каштанка».

не Х-5676

Необычайное происшествие!

Оно произойдет в ночь с 31 декабря на 1 января 1936 года. В эту ночь один из пионеров Советского союза станет ровно в пять раз больше и толще, чем был в 1935 году. Этим единственным пионером будет журнал „Пионер“—орган Центрального комитета ВЛКСМ.

Сто двадцать восемь страниц большого формата будет в этом журнале. Он станет не только в пять раз больше прежнего, но и в пять раз интереснее. Вы требуете доказательств? Вот они.

„Приключения в Атахуальпо“

Уже сколько лет мы ничего не слышали об индейцах. Где они? Что с ними? Попрежнему ли они щеголяют в нарядах из орлиных перьев или носят шерстяные брюки, галстуки и пиджаки?

„Приключения в Атахуальпо“—роман немецкого революционного писателя Теодора Пливье. Автор рассказывает о приключениях в Южной Америке немецкого мальчика Клауса и индейца Ачассо. Там и бегство в Америку на пароходе и невероятные приключения, но все это очень правдиво. Теодор Пливье до того, как стал писателем, был моряком и пять лет прожил в Чили, в этой узкой и длинной республике на берегу Тихого океана.

Этим романом откроется „Пионер“ в 1936 году.

Но разве только один роман

будет печататься в толстом „Пионере“? А стихи? А рассказы? Сейчас уже все писатели знают, что станет с журналом „Пионер“. Они сидят у себя по квартирам—и пишут и пишут. Успевай только чернила доливать в чернильницу.

Пишет Борис Житков, пишут С. Маршак, С. Третьяков, М. Лоскутов, Аркадий Гайдар, М. Пришвин, Сергей Григорьев и многие другие писатели и поэты.

Как известно из газет,

писатель Лев Кассиль, автор „Кондуита“, только что вернулся из Турции, куда ездил с нашей физкультурной делегацией. Он нам уже сообщил, что привез оттуда какой-то очень интересный рассказ для нового „Пионера“.

Однако было бы ошибкой

думать, что только писатели будут участвовать в журнале „Пионер“. Это было бы грубой ошибкой. В редакции „Пионера“ частые гости — летчики, профессора различных наук, старые большевики, военные люди—от красноармейцев до полковников, командиров дивизий, — охотники, моряки. Самое интересное из того, что они рассказывают нам, печатается в журнале. Так например недавно был у нас профессор Зубов, один из руководителей экспедиции ледокола „Садко“ к высоким широтам.

Цена 60 коп.

№ 241 — № 240

На два с половиной часа

прекратила вся редакция свою работу, позабыв всё на свете, слушая то, что рассказывал профессор Зубов. Все это записано с точностью до одного слова и появится в январе 1936 года в журнале „Пионер“. В первом же номере начнется постоянный отдел журнала:

Рассказы орденоносцев

У нас есть уже рассказ командира дивизии товарища Хлебникова о том, как он получил свой первый орден, о том, как колчаковский полковник Обухов продырявил ему пулями шинель в трех местах, о том, как он в 1919 году окружил своим батальоном (он тогда был командиром батальона) целый полк колчаковцев.

Похождения Кляксы

Это уже из веселого отдела. У художника Каневского опрокинулась баночка с тушью на столе, и все ненарисованные рисунки кляксами разбрызгались по комнате и начали свою самостоятельную жизнь.

В журнале будет так: перевернешь пять — десять страниц, и обязательно будет что-нибудь смешное: веселая картина, карикатура, стихи, шутки.

Невозможно все перечислить

на этих страничках. Их всего две, а в журнале будет сто двадцать восемь больших, и несмотря на то что журнал будет печататься на прекрасной бумаге фабрики Вишхимз, несмотря на то что в нем будет больше полутораста рисунков и многоцветная обложка,

цена его за	1	месяц	будет	1 р. 30 к.
„	3	„	„	3 р. 90 к.
„	6	„	„	7 р. 80 к.
„	12	„	„	15 р. 60 к.

Подписка производится во всех почтовых отделениях, в „Союзпечати“ и у уполномоченных по пионерской печати в школе и пионеротряде.

Ц. 1936 г.
Акт № 34
Вкладн. л.

Ответ. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“
Сдано в набор 1/XII 1935 г. Подписано к печати 2/I 1936 г. Изд. № 1165. Формат 62×94 см. 3 п. л. 55 000 зн. в печ. л.
Уполномоченный Главлита № Б—17092 Заказ № 2443 Тираж 60 000
Типография газеты «Правда» им. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.